

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА. ЯФФА: ГОРОД СВ. АПОСТОЛА ПЕТРА И ПРАВЕДНОЙ ТАВИФЫ

Часть 2

«Русская Яффа» в 1920–1940-е годы

После 1917 года связи Русской Духовной Миссии с Московской патриархией были утрачены, и РДМ перешла в ведение РПЦ за границей (так называемый карловацкий раскол). В течение 17 лет РДМ возглавлял архимандрит Антоний (Синькевич). «Жизнь миссии поглощает все мои силы и все время всецело, — писал он в феврале 1939 года. — У нас много скорбей с войной в Палестине, сколько из-за трудностей материальных и нашего беззащитного положения без России. Однако при всех трудах и огорчениях, Господь держит нашу Миссию, благословляет ее существование, посылает нам насущный кусок хлеба и не лишает утешений духовных, главными из которых являются наши обитатели, сохраняющие монашеское благочиние»¹.

Плата за аренду принадлежащих миссии домов составляла примерно 3/4 дохода. Из всех 36 участков миссии только восемь были сравнительно большие — «имения». Остальные имели значение «чисто религиозное, — как писал отец Антоний, — дохода они приносить не могут, а следить за ними необходимо. <...> Несмотря на большую материальную ценность наших имуществ, мы не пускаем их в оборот ввиду того, что почти все они без исключения куплены как места, связанные с религиозными воспоминаниями»².

Из-за отсутствия людей молодых и таких, кто мог бы работать «по какому-либо ремеслу и вообще нести послушание»³, не было возможности в полной мере восстановить и использовать эти «имения», приносящие миссии доходы до войны: **сады**

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Архив РДМ. Ф. «Митрополит Анастасий (Грибановский)».

² Архив РДМ. Письмо архим. Антония от 28 февраля 1939 г. в Белград генерал-майору Н. В. Нагаеву (впоследствии архиепископ Ричмондский Никодим (сконч. 17 окт. 1976 г.).

³ Архив РДМ. Письмо архим. Антония от 1/14 октября 1936 г. в Париж генерал-майору М. В. Ярославцеву (впоследствии архимандрит Митрофан — настоятель церкви в Рабате (Марокко) (сконч. 28 янв. 1954 г.).

в Яффе, Тивериаде, Магдале, Хевроне, Иерихоне. Это огромное хозяйство требовало разных «прикладных способностей» по ремонту домов и оград, обработке садов и огородов и прочего.

В 1921 году смотрителем Яффского сада был назначен архимандрит Авраамий. (с 1930-х годов настоятель храма Ильи Пророка на горе Кармил в Хайфе. В 1948 году перешел под омофор Московского патриархата; в начале 1950-х годов уехал на Афон). Работы по восстановлению **садов в Яффе** и Иерихоне предпринимались в конце 1920-х годов⁴.

С обителью Святого апостола Петра и прав. Тавифы удивительным образом была связана судьба священника Михаила Польского (1891—1960). В 1930 году он бежал из Соловецкого лагеря (через Сибирь и Персию), в октябре 1930 года прибыл в Палестину, был принят в общине РПЦЗ. В Архиве РДМ есть опросный лист и удостоверение: «Настоящим удостоверяю, что, по испытании, согласно поручению Вашего преосвященства, совести священника беженца Михаила Польского мною не обнаружено никаких препятствий к принятию его в церковное общение и к дозволению ему священнослужения. 13/26 ноября 1930 года архимандрит Иероним. Иерусалимская Русская духовная Миссия». Резолюцией архиепископа Анастасия о. Михаил был допущен к священнослужению в храмах и подворьях миссии. В 1930—1934 годах о. Михаил — сверхштатный священник при русской церкви Святого апостола Петра и прав. Тавифы в Яффе... Из письма архимандрита Киприана (Керна) председателю Православного палестинского Общества князю А. А. Ширинскому-Шихматову (написано вскоре после 11/24 мая 1929 или 1930 года): «В Яффе ныне живет постоянный священнослужитель, который совершает литургию и другие службы в храме Святого апостола Петра во все праздники и нередко в будничные дни»⁵.

Книга о. Михаила Польского «Положение Церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника» вышла в Иерусалиме в 1931 году. В 1938 году в Белграде вышла его книга «О духовном состоянии русского народа под властью большевиков». С 1 июня 1934-го по 30 января 1938 года о. Михаил был настоятелем русской общины в Бейруте, где организовал «противобезбожные курсы» в форме лекций и «практических уроков полемики». С 30 января 1938 года до 1 июня 1948 года — настоятель Успенской церкви в Лондоне. Переехав после войны в США, протопресвитер Михаил Польской составил первый труд о новомучениках — «Новые мученики Российские» (Т. 1, 2. Джорданвилль, 1949, 1957), который лег в основу дальнейших изысканий в этом направлении и за рубежом, и в России. Акт прославления новомучеников и исповедников российских, во главе с царской семьей, состоявшийся 1 ноября 1981 года, стал возможным во многом благодаря настойчивым трудам ставшего к тому времени архиепископом Антония (Синькевича). Им же была составлена и служба новомученикам⁶.

С Яффским подворьем РДМ была также связана судьба игумении Евгении (Митрофановой) (сконч. 22 мая 1959 года). Елизавета Константиновна Митрофанова во время гражданской войны возглавляла «Белый Крест» — организацию помощи участникам Добровольческого движения. После кончины мужа (профессора Варшавского университета П. И. Митрофанова (29 декабря 1920 года) она приняла в Константинополе монашество. В 1926 году в местечке Гарган-Ливри под Парижем основала обитель-приют «Нечаянная радость» и школу-интернат. Впоследствии обитель

⁴ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 77.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 77.

переместилась в Сен-Жермер-де-Фли (около Бовэ). 15 апреля 1930 года стала игуменьей. После закрытия приюта переехала в Палестину, в декабре 1934 года при русском храме в **Яффе** основала женскую общину и школу-приют для православных девочек-сирот; в 1937 году в ней было 16 детей.

В декабре 1934 года настоятелем храма Святого апостола Петра и прав. Тавифы в Яффе был назначен о. Аристоклий (Громико/Громыко) (1887—1967).

Аристоклий (Громико/Громыко) окончил церковно-приходскую школу в селе Околице Могилевской губернии. В 1914 году был пострижен в монашество. С 1919 года в составе РДМ, в 1925 году рукоположен в иеродиакона, в декабре 1929-го — августе 1931 года — настоятель русской церкви в Каире, в октябре 1931 года иеромонах. Заведующий Тивериадским приютом, с декабря 1934 года — настоятель храма в Яффе. В марте—апреле 1938 года назначен временно настоятелем русской общины в Александрию. После возвращения в Иерусалим (не позднее января 1940 года) — ризничий. Впоследствии духовник в Елеонском монастыре⁷.

Но по состоянию здоровья о. Аристоклий был освобожден от должности настоятеля в Яффском подворье, и его сменил игумен Серафим (Мятецкий) (1873—1949).

Игумен Серафим (Мятецкий) в составе Русской духовной миссии с 1931 года. Он родился в с. Сотники Киевской губернии в семье Елевферия и Анны (урожд. Лебедович) Мятелицких. В 1900—1914 годах — насельник Никольско-Уссурийского монастыря в Приморье. В 1914 году выехал в Китай, где находился до 1929 года, «пока большевики не вынудили уехать». 20 декабря 1929 года прибыл во Францию, служил на приходе при русской церкви в Ментоне, в юрисдикции архиепископа Серафима (Лукьянова). Осенью 1930 года обратился в РДМ с прошением принять его в состав братии. С 1935 года — духовник Вифанской Воскресенской общины, находившейся в Гефсимании, а затем — настоятель храма Святого апостола Петра и прав. Тавифы в Русском саду в Яффе. В декабре 1939 года назначен настоятелем русской церкви в Александрии, где пробыл около трех лет⁸.

Еще одно «перемещенное лицо» подвизалось при русском храме в Яффе. Это священноархимандрит Серафим (Седов) (1895—1984).

Николай Яковлевич Седов, участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1921 году эмигрировал из России. 8 февраля 1929 года, после получения церковного развода, был пострижен в монашество епископом Сергием (Королевым) в Праге, 10 февраля им же рукоположен в иеродиакона. Прибыл в Иерусалим из Типографского братства Иова Почаевского в Ладомировой (Словакия). В составе РДМ с осени 1931 года. 24 июля 1938 года посвящен в иеромонаха за литургией у Гроба Господня; назначен настоятелем храма Святого апостола Петра и прав. Тавифы в Русском саду в Яффе. В декабре 1943 года назначен в Каир для временного исполнения обязанностей настоятеля русской церкви. Покинул Каир в октябре—ноябре 1944 года. В январе 1951 года назначен настоятелем храма в Тегеран и возведен в сан игумена; в феврале 1952 года — в сан архимандрита. В 1961 году покинул Тегеран и вернулся в РДМ⁹.

«Русская Яффа» в 1950—1980-е годы

После образования государства Израиль Яффское подворье перешло в юрисдикцию Московской патриархии и стало ее «головной болью». Из письма заместителя РДМ (МП) архимандрита Леонида (Лобачева) протопресвитеру Н. Ф. Колчицкому

⁷ Там же. С. 91, примеч. 85.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 101.

от 27 декабря 1948 года: «Яффский сад находится в нашем фактическом пользовании. Но как был он заброшен, таким остается и до сих пор. Более того: уже при нас от зимних дождей упала одна стена, при нас украли черепицу с крыши, при нас воруют фрукты из сада. Но мы бессильны что-либо сделать: нет людей. В Патриархии пора серьезно заняться вопросом об освоении живыми людьми тех земель и монастырей, которые Миссия будет здесь принимать»¹⁰.

Яффское подворье испытывало нехватку священнослужителей. В феврале 1949 года начальником РДМ (МП) архимандритом Леонидом временно командирован в Яффу к церкви Святого апостола Петра и прав. Тавифы игумен Исаия (Ба/обинин) (1883–1963).

Игумен Исаия (в миру Иоанн Антонович Ба/обинин), член Русской духовной миссии с 1931 года. Он родился в деревне Новинки Солецкой волости Новолодожского уезда Петербургской губернии. Окончил три класса начальной школы и четыре класса начального Министерского училища. 6 января 1902 года был принят послушником в Макарьевскую пустынь Новгородской губернии. 3 ноября 1913 года пострижен в монашество игуменом монастыря Кириллом. 16 февраля 1920 года рукоположен в иеродиакона епископом Тихвинским Алексием (Симанским), викарием Новгородской епархии. Проходил послушания пекаря, просфорника, пономаря, работал в канцелярии, библиотекарем, канонархом, уставщиком. В ноябре 1925 года о. Исаия поступил в Псково-Печерский монастырь (тогда Эстония). 9 октября 1931 года был принят в РДМ и назначен заведующим Иерихонским садом. 30 августа 1950 года указом начальника миссии, епископа Изборского Владимира, за «грубое поведение, за непослушание Начальнику и Епископу, а равно и за неподчинение Святейшему Патриарху Алексию на его приказание в телеграмме» запрещено «на неопределенное время священнослужение и ношение креста впредь до его исправления. За непослушание данного указа и неисполнение его с него будет снят сан и монашество»¹¹. Других кадров у РДМ в те годы не было...

В 1950-х годах РДМ пополнилась «перспективными кадрами». Одним из ее членов стал будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) (1929–1978). Из «Журнала РДМ»: «6 мая 1956 года. Пасха Христова. Богослужение в Иерусалиме в соборе совершали архимандрит Пимен; в Яффе — иеромонах **Никодим**, на Кармиле — иеромонах Алексей, в Горнем — игумен Исайя»¹². Правда, в храме Святого апостола Петра и прав. Тавифы в тот год было малолюдно. Для сравнения: даже в Свято-Троицком соборе в Иерусалиме в начале полунощницы присутствовало свыше 100 человек, в конце литургии — около 35...¹³

Удаленность Яффского подворья от центра города иногда приводила к трагическим случаям. Так, 6 февраля 1974 года в восемь часов вечера в РД миссию позвонила монахиня Магдалина из Яффы; она сообщила, что в Яффский сад проникли хулиганы, которые начали ломать дверь в храм, бить стекла в храме и трапезной, бросать камнями в выбежавших матушек. Монахине Сергии пробили камнем голову, после чего ее отправили в госпиталь¹⁴.

Казалось бы, это единичный случай, и в дальнейшем ничего подобного не могло произойти. Молитвенной теплотой проникнуты строки инокини Наталии, насельницы Горненской обители (1983–1989): «1987 года Понедельник, Крещение Господне. По милости Божией освящали воду на всех трех участках. В Яффе служили Бо-

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Там же. С. 72 (составлено по материалам Архива РДМ).

¹² Там же. С. 142.

¹³ Там же. С. 142.

¹⁴ Там же. С. 166.

жественную литургию и потом пели „Глас Господень на водах“. Это самое чудесное время года: Палестина вся зеленеет, цветут деревья и сама пустыня покрыта зеленью. Благоухание праздника распространяется на всю природу. Кажется все омывается в покаяние и знамение новой жизни во Христе и в вере. Действительно, благодать подобна струям; прохладительным для души. Яффа. Древняя Июппия...»¹⁵

Но вот 7 ноября того же 1987 года вновь трагическое сообщение: «Днем на участке в Яффо неизвестные взломали двери гробницы праведной Тавифы, сожгли икону „Воскрешение праведной Тавифы“, жгли бумагу и разбросали свечи»¹⁶. По поводу этого печального события уместно будет привести небольшое стихотворение, принадлежащее перу поэта русского зарубежья Ивана Новгород-Северского под названием «Тавифа»:

Петр сказал: Тавифа, встань. И она открыла глаза.
Деяния апостолов, гл. 9

Мне русский батюшка в открытке повествует:
«Здесь, в Яффе, мы увидели с горы
Ту хижину, где Петр ютился до поры
И воскресил Тавифу... Сердце-то ликует!
Но где она? Уместна ли печаль?
Венец терновый не награда ль?
Мне не ее, а нас, живущих, жаль,
Живем, прости Господь, как падаль.
Долиною Саронской к синей выси
И мы за нею в думах поднялися...
Она-то Господа нашла!»¹⁷

На рубеже тысячелетий: возрождение обители

...Шли годы. Яффское подворье постепенно обустроивалось. В 1995 году при начальнике миссии архимандрите Феодосии Васневе (впоследствии — епископ Тамбовский) на подворье начались активные восстановительные работы. Был отреставрирован настоятельский дом, вымощена камнем ведущая к храму дорожка.

Из документов: «12 января 1995 года. Матушка игуменья, отец Серафим, монахиня Георгия, монахиня Савва с монахиней Рахилью ездили в Яффо к отцу Пимену — поздравлять с Рождеством Христовым и новосельем. Отремонтировали дом для священника, Миссия купила всю новую мебель, и отец Пимен переселился в новый дом»¹⁸. В феврале 1996 года полностью завершена внешняя реставрация монастырского храма и его колокольни.

18 июня 1997 года подворье Праведной Тавифы посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, который совершал паломничество по Святой Земле и возглавил торжества по случаю юбилея 150-летия Русской духовной миссии в Иерусалиме. Предстоятель Русской православной церкви поклонился месту погребения

¹⁵ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 182.

¹⁷ Новгород-Северский Иван. Благовещение. Париж, б/г. С. 22.

¹⁸ Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 2. 2012. С. 189.

праведной Тавифы и совершил молебен в «путь шествующим» перед возвращением на Родину.

К юбилею 2000-летия Рождества Христова реставрационные работы в храме и паломническом доме были полностью завершены. Но и по сей день на монастырском участке ведется работа по облагораживанию территории.

Рассказывает настоятель (ключарь) подворья Святой праведной Тавифы Русской духовной миссии в Яффе **протоиерей Игорь Пчелинцев:**

Омолодившийся храм, окруженный кедрами и кипарисами, возвысился над ними своей колокольней, а вокруг раскинулись сады с фруктовыми деревьями, где гуляют кошки, голуби и павлины. На деревьях пестрыми стаями щебечут попугаи, а покой охраняет пес Барон, устроившись в будке под апельсиновым деревом. Подворье превратилось в маленький цветущий рай, где слышна музыка света, цвета и веры. Свое пристанище находят здесь не только люди, но и братья наши меньшие. В наших садах обитает около 20 павлинов, год назад прилетела курица, которая с удовольствием к ним присоединилась. А совсем недавно прилетел и петух, так что теперь они чинно прогуливаются вдвоем в садах старинной гробницы. Есть там и две маленькие собачки, подброшенные прямо в церковь и живущие здесь уже третий год. Есть при храме и действующая библиотека с художественной и духовной литературой, оставшейся еще от русской интеллигенции и пожертвованная церкви.

После посещения храма можно прогуляться в садах и спуститься в гробницу Святой Тавифы, где есть мозаика еще с византийских времен. В общем, сложно перечислить все ценности, которые можно найти здесь, ведь для каждого они свои и обретаются они сердцем. Один увидит великолепный храм, украшенный росписями древних мастеров; другой затаит дыхание от восхитительной природы и буйной зелени, которая обвивает все вокруг; третий, закрыв глаза, ощутит необыкновенную тишину и спокойствие, услышит музыку ветра и вдруг случайно разберет чей-то шепот, доносящийся сверху и вливающийся в бесконечную музыку вселенной. Сложно описать все великолепие подворья праведной Тавифы — это нужно почувствовать, это нужно увидеть своими глазами, в это нужно окунуться всем сердцем.

...В воскресенье 11 мая 2014 года в храме Святого апостола Петра на подворье Святой праведной Тавифы в Яффе торжественно отмечался день памяти этой воскрешенной первоверховным апостолом праведницы, гробница которой находится на территории подворья. Богослужение возглавил архиепископ Иоппийский Дамаскин, местный архиерей Иерусалимской Церкви, с которым приехала группа православных арабов. Ему сослужил тогдашний временно исполнявший обязанности начальника Русской духовной миссии игумен Феофан, настоятель подворья протоиерей Игорь, клирики миссии и паломничаствующие священнослужители. В храме молились настоятельница Горненского женского монастыря игуменья Георгия с некоторыми сестрами обители, многочисленные прихожане и гости. После окончания литургии архиепископ Дамаскин и игумен Феофан обменялись праздничными поздравительными речами, и состоялся крестный ход к гробнице Святого праведной Тавифы.

Выдержки из интервью с протоиереем Игорем Пчелинцевым

Чем именно вы занимаетесь сейчас? Что входит в ваши должностные обязанности, с кем вы встречаетесь, какие программы вы реализуете?

В настоящее время я — настоятель (ключарь по-церковному) подворья в честь Святой праведной Тавифы Русской духовной миссии. Подворье находится в южном районе Тель-Авива, неподалеку от древнего города Яффо (Яффа,

Иоппия), который с 1950 года включен в состав Тель-Авива. В мои обязанности входит совершение богослужений в храме нашего подворья, духовное окормление прихожан, которые живут не только в Тель-Авиве, но и в других городах и районах Израиля, как правило, южнее Тель-Авива. До самого Красного моря на юг больше нет ни одного ни православного, ни другого христианского храма. Многие прихожане приезжают на службу за много километров — даже до 400 верст. В больницах Тель-Авива проходят лечение многие наши соотечественники, по их просьбам я посещаю их, совершаем в больницах Таинства Соборования и Причащения, среди медперсонала всегда нахожу понимание, особенно в одной из самых больших больниц Израиля — Шиба, где миссия шефствует над детским онкологическим отделением. Практически все детки там из России и Украины. Больница находится не очень далеко от нашего храма, многие родители и детки, кто имеет физическую возможность, приезжают к нам на службу.

Помимо службы и треб в храме и на выезде, у нас действует воскресная школа с отделениями для взрослых и для детей. С учениками и слушателями школ мы часто совершаем поездки по святым местам. Так сказать, изучаем Евангелие прямо на местности, где происходили библейские и евангельские события. Кроме того, традиционно миссия имеет тесные контакты с посольством РФ в Израиле, а также посольствами стран СНГ. Когда-то, в 50-е и 60-е годы XX века, на территории нашего подворья размещалось консульство СССР. Один раз в неделю я провожу в посольской школе факультатив по основам православия для двух групп — старших и младших школьников.

Один из самых важных моментов служения на подворье — встреча и прием паломников из России и стран СНГ (как правило, это паломники из Украины и Белоруссии, но в этом году даже была первая группа православных паломников из Узбекистана, часто приезжают православные паломники из стран Европы, Америки, Австралии). Наш храм не очень далеко расположен от главного израильского аэропорта Бен-Гурион, поэтому паломники приезжают к нам либо сразу по прибытии на Святую Землю, либо перед отлетом на родину. Периодически к нам приезжают группы студентов и слушателей курсов из Иерусалимского университета, изучающие христианство, и мы говорим об истории православия, православном богослужении, об апостоле Петре, покровителе древней Яффы.

Какие у вас планы, какие цели в дальнейшем?

Целей и планов особых нет — с помощью Божией трудиться на подворье святой Тавифы, заниматься благоустройством участка, раньше он назывался «Русский сад в Яффе», благоукрашением храма и по мере сил помогать нашим прихожанам, паломникам и соотечественникам, которые приезжают на лечение. Иногда кажется, что на все это моих личных сил совсем не хватит...

Греческие монастыри

Обитель Архангела Михаила

В самом центре Старого города, на вершине холма высятся францисканский собор Святого апостола Петра. Расположившийся рядом монастырь Святого Людовика носит имя французского короля-крестоносца Людовика IX Святого, остановившегося в Яффе в 1247 году. Чуть ниже по склону лежит греческая православная обитель во имя Михаила Архангела.

Церковь Архангела Михаила представляет собой скромное строение, напоминающее своим видом раннехристианскую базилику. Вдоль стен расположены стасидии, специальные деревянные кресла с откидным сиденьем, высокой спинкой

и подлокотниками. В стасидии можно стоять, опираясь на подлокотники, полусидеть и сидеть, что значительно облегчает верующим (чаще всего монахам) многочасовые службы. Прихожане обычно пользуются скамьями в срединной части помещения. Внутреннее «устройство» монастыря напоминает катакомбы. Лестничные переходы с этажа на этаж, арки, темные коридоры, длинные галереи, маленькие окошки или полное их отсутствие.

Яффский монастырь Архангела Михаила относится к Иерусалимской православной Церкви и с 1998 года возглавляется архиепископом Иоппийским Дамаскиным (Гаганьярас), который проживает в монастыре с 1980 года. Собственно, он и возродил монастырь после пожара 1994 года. Ныне это нежилое пространство для паломников, так как на территории монастыря живет всего три монаха, включая самого архиепископа. При монастыре находится также русская и румынская общины, имеющие право с санкции архиерея-настоятеля монастыря совершать таинства крещения, венчания и отпевания в отношении лиц, имеющих израильское гражданство. Проезд транспортом до монастыря невозможен, только пешая прогулка. Ориентир — старый порт Яффо, идти параллельно набережной на север в сторону колокольни францисканской церкви Святого Петра.

Обитель Святого великомученика Георгия

Другой греческий монастырь, Георгиевский, находится при въезде в город, на улице Пастера. В нем обычно размещались прибывавшие парохомом из Одессы русские православные паломники перед тем, как отправиться далее в Иерусалим¹⁹.

В 1820 году гостеприимством греческих монахов воспользовалась небольшая группа русских богомольцев; вот что пишет об этом один из них — Д. В. Дашков: «Весь оный край, от Сура (древнего Тира) до Газы, очень опасен для судов в бурное время года. К счастью, наш *каравокир* (хозяин судна) родом из Скиафо, уже несколько раз привозил поклонников в Яффу и, твердо зная сии места, взялся провести корабль на рейд даже ночью. Он сдержал слово и на рассвете бросил якорь верстах в двух от города. Мы съехали с ним на берег в небольшой лодке, пробираясь между огромными камнями, о кои разбивались волны с ревом, и пошли отдыхать в греческий метох (подворье), где были гостеприимно встречены проигуменом»²⁰.

Православная Яффа в записках Василия Григоровича Барского (1726 год)

<...> Таже, взявши своя рубища, преплвох, мзду давши, с прочими люди к граду и пойдох в метох или в странноприимницу иерусалимскую, идеже прочии бяху поклонники, предваривши нас, от купцов богатых и благородных, такожде и от священных особ немало, идеже вси ожидаху времени, донележе приидут от Иерусалима возницы с верблюды и повезут их тамо. Метох оный есть прежде 3 лети (года) новосозданный многим коштом патрарха Иерусалимского Хрисанфа, угождения ради христиан, путешествующих тамо, иже приложи много тщание о нем и пенязей (денег). Сие же лепо и премудро устроен и расположен, яко от всякого ходящего тамо похваляем бывает и благодарение

¹⁹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 370.

²⁰ Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 18.

творится потщавшемуся о нем. Келий и домов много имат к сложению вещей и предпочиванию странных, чинно, якоже в некоем монастыре, устроенных. Тамо предпочивахом кийждо на своем определенном месте, по три и по четыре в кельях.

Бысть же тогда день субботний, и преклоняющуся солнцу на запад, идохом ко единой церкви на вечерню, идеже на единой стороне пояху по-гречески, на второй же по-арапски. Се же путников ради, прибывших от Греции (якоже слышах, сотворися); сами же тамошнии всегда по-арапски чтут, понеже именуются арапи белые, белой ради породы своей, и не знают иного языка, кроме арапского. Имут же свои все книги, к церкви и веры требованию, яже суть не печатанни, но рукописанни; письмена же их якоже и турецкие. Чин в отправе церковной весь держат греческий, токмо кафизму первую тогда чтоша три детища, един по другому, по «Славе», на конец. Веру христианскую православную содержат крепко и поют на тоны греческие.

Ходят в долгих одеждах и главы не завивают наподобие турков, якоже и в иных странах турецких. Жены такожде долгу носят одежду, лица свои закрывающе, главы же покрывают хустами зело долгими, яко воскрилия их даже до земли висят. Церковь, о ней же пред помянух, несть церковь совершенная, в еже бы могла в ней петися литургия божественная, но аки часовня, идеже несть ни царских врат, ни алтаря; поется тамо токмо вечерня, утренняя и часы. <...>

Возвратихся паки в вышписанную гостиницу с прочими поклонники. Ноши же нашешей, созва начальник, или игумен метоха того в особную келию всех путников, богатших и начальнейших, и представив им трапезу честну и учреждаше их довольно. Аз же, убожества ради своего, не зван бех, но останах с слугами и стоя вне дверей, созирах бывшее. По окончании же трапезы, по обычаю тамошнему бываемому, взят игумен странноприимницы един блюд празден, и даяху вси, по силе своей, по неколико златиц, прочие же сребрики, и вписоваша вси имена своя, поминания ради в сорокоустах. Таже, благодарение Богу сотворше, разъидошася на свои места. Аз же последи зван бех с слугами и послушники иерусалимскими вечеряти и насытхся от избытков и укрухов довольно.

Заутра же, в неделю (воскресенье), бехом на утрени в той же вышписанной часовни. Наставшу же дню, пойдохом вси с протосингелами иерусалимскими к другой церкви, вне града на распутии стоящей, и слушахом тамо святой литургии, яже в пол, и арапским, и греческим языком, пояшеса, чтяху же ся двое Евангелия и два Апостоли, да разумеют арапи и греки. Но внемли, благой читателю, истину ти реку, яко негде же худшой, убогшой и беднейшой не случися видети церкви, яко та. Не глаголю бо о том, яко не имат никакогого украшения внутрь: ни образов, ни светильников, ничтоже, но се болезненно, яко ни покрова, ни врат, ни окон. Что же имат? Точию три стены каменных, и то не целы, четвертая же стена, яже от входу, развалися даже до земли, верх же завалися такожде, токмо над алтарем мало присененно тростию; внутрь же, идеже стояше иногда иконостас, стоит прегражденна каменная стена ветха такожде, якоже и церковь.

Словом рещи, аки един пуст вертеп, идеже егда приходят литургию святую творити, все сосуды и одежды священнические, такожде книги и свещи, приносят с собою, последи же паки относят. Вопросих же аз, почто тамо христиане оной не обновлят или иной не сотворят? Ответствуют, яко басурмане, иже тамо обладают, отнюдь не соизволяют на тое, аще тысящными молениями, златом же, серебром и многими дарами пестунствуемы быша. Та и прочая аз тамо слышаши и видящи, соболезновах сердцем неволе их и похвалях в уме моем твердость веры их, яко аще и в таковой нужде обретаются, обаче непременно, яко и прочие христиане, даже доселе, на всяк день молятся Господеви. Ходихом же на всяк день на правило к церкви, но всегда арапское слышахом чтение, и пребывахом в вышписанной гостинице, жидуще время путешествия нашему к Гробу Господню²¹.

²¹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 277–279.

Из дневника архимандрита Порфирия (Успенского): «17 декабря (1843 года), пятница. В 11 часов мы в Яффе. Помещение в Иерусалимском монастыре. В Яффе есть единственная церковь православная: она находится в Иерусалимском монастыре, где помещаются все поклонники. Она — во имя Святого Георгия с приделом во имя Святого Николая в алтаре. Бедна, (возобновлена в 1839 года, 20 декабря) темна, ветха, стены стянуты железными полосами. Монастырем заведует игумен и при нем 3 послушника — один молдаван(ин), другой болгарин, третий грек, как переводчики.

Греческий монастырь здешний, по сказанию игумена, построен Феодосием Великим. С русских не берут денег за комнаты; с прочих — по 25 пиастров за комнату. Церковь монастыря ветха; можно перестроить ее и дать ей направление на восток»²².

В начале 1840-х годов члены Русской духовной миссии во главе с ее начальником — архимандритом Порфирием (Успенским), выехали из Бейрута в Сидон и далее — в Тир, чтобы затем проследовать в Яффу.

Из дневника архимандрита Порфирия: «14 февраля. Суббота. Сегодня очень поздно приехали мы в Яффу и здесь, усталые, полуголодные, остановились в греческом монастыре, устроенном для приема поклонников»²³.

Православная Яффа в записках Виктора Каминского (1850 год)

Во время звона к вечерне вошел я в иерусалимское подворье (метох), возвышающееся, с роскошными террасами, над самым морем, и поместился в одной из келий верхнего этажа. Потом пошел я к вечерне в греческую церковь, здесь же на подворье. Служили с большим благоговением. На клиросе пело несколько мальчиков, чрезвычайно звучными голосами. Прихожане молились со страхом Божиим. Мужчины стояли по одну, а женщины по другую сторону. Церковь эта, по-видимому, очень древняя. Лики святых писаны большей частью на золотом поле. Вдоль стен поделаны формы, вроде кресел, в которых стояли пожилые люди; а иногда они сиделись. По окончании вечерни, все прикладывались к местным иконам.

Спокойный возвратился я в свою келью и провел половину ночи в отдохновении; но при первом призыве в храм Божий, на праздник Святого Саввы, поспешил туда, и выслушал все священнослужение, в котором обедня следовала немедленно за заутреней. Здесь я в первый раз вслушался в титул патриарха. По окончании богослужения поют: «Кириллу блаженному и святому отцу нашему, господину и патриарху Святого Града Иерусалима и всея Палестины, Сирии, Аравии, обонпол Иордана, Каны Галилейския и Святого Сиона, — многая лета!»

После обедни отец архимандрит, начальник здешнего православного духовенства, пригласил всех русских странников к себе на кофе; поздравлял нас с счастливым избеганием морских опасностей, пожелал также благополучно довершить свой путь. У него сначала подавали варенье и воду для запиванья; потом по маленькой рюмочке сладкой водки, извлекаемой, если не ошибаюсь, из виноградных выжимок действием *лембика*; наконец, небольшую чашечку черного, довольно густого кофе, вставленную, вместо блюдца, в другую такую же чашечку.

<...> В яффской греческой церкви для арабов бывает и служение на арабском языке. Прихожане эти стоят в церкви в чалмах, и снимают их только при важнейших действиях священнослужения. Священники их также служат в чалмах.

²² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 346–347.

²³ Еп. Порфирий. Ч. III. С. 211. Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1, 2012. С. 24.

В праздник угодника Божия Николая я пошел в ту же церковь к заутрени, а потом выслушал здесь и обедню, которую совершал отец архимандрит на греческом языке. За литургией церковь и все предстоявшие молились за здоровье Всероссийского государя императора²⁴.

В 1855 году паломничество в Святую Землю предпринял афонский инок Парфений. Вот что записал он в своем дневнике по прибытии в Яффу: «Тут Российский консул всех принимает и распоряжает нашими, Восточной Церкви христианами, и препровождает в греческий монастырь, который тут же, недалеко от пристани, находится; и давали комнаты — сколько где можно поместиться. И здесь мы проживали три дня, и ходили в церковь. Здесь служба совершается более на арабском языке. И здесь мы благодарение воздавали Всевышнему Господу Богу, что сподобил вступить на святую обетованную землю, где сам Спаситель, во плоти, ходил Своими пречистыми ногами; и позабыли все страхи и ужасы, которые претерпели мы на море: только еще не получили мы совершенной радости, что еще не имеем в очах своих возлюбленного и многовожделенного града Иерусалима»²⁵.

Отечественный палестиновед Д. Д. Смышляев пишет (1865 год): «Приезжающие морем в Яффу останавливаются в монастырях греческом или францисканском. Есть в Яффе также особые приюты для русских и протестантов. Наконец, существует сносная гостиница, „Englisch Hotel“, которую держит еврей Блатнер»²⁶. Как следует из этих строк, в Яффе к этому времени уже был приют для русских богомольцев. В записках Н. В. Берга находим описание этого странноприимного заведения: «...и вот вы в так называемом *русском доме*, каких теперь довольно много в Палестине, со времени посещения Иерусалима Великим князем Константином Николаевичем. Это обыкновенный арабский дом тех мест, в котором вы найдете сносную комнату, постель с пологом от мошек, сильно докучающим там приезжим летом, и прислугу, могущую изготовить обед, поставить самовар, заняться, пожалуй, потом и вашим следованием далее»²⁷.

Однако в «хождениях» русских паломников чаще встречается упоминание о греческом монастыре Святого Георгия. Именно здесь в начале 1850-х годов останавливался игумен Антоний (Бочков), готовясь к отъезду в Иерусалим. Вот его описание греческой обители: «Огромное здание, похожее на Стрельнинский дворец, только без большой симметрии, принимает путников. С его террас видно только море, на которое смотришь с удовольствием, когда его избавишься, и пристань, всегда шумящая волнами и народом.

Когда соберутся человек сорок, то их отправляют из Яффы под присмотром одного или двух кавасов, и верблюды, лошаки, ослы, арабские лошади предлагают свои хребты новым крестоносцам. Здесь последняя возня с чемоданами. В Яффе оставляют паспорта, взятые в Константинополе, и вместо них выдает консульство турецкие ярлычки для проживания в Иерусалиме; небольшие суммы денег также оставляются здесь поклонниками в обеспечение обратного пути. Когда все эти формы выполнены и подана милостыня монастырю, содержащему гостиницу, то отправляются потихоньку в Иерусалим»²⁸.

²⁴ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 39—43.

²⁵ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 6.

²⁶ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 54.

²⁷ Берг Н. В. Мои странствия по белу свету. Иерусалим // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 179.

²⁸ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 8.

У русских паломников был выбор: останавливаться на ночлег либо в «русском доме», либо в греческом монастыре Святого Георгия. Отечественный палестиновед В. Н. Хитрово со своими спутниками в 1871 году предпочел «русский вариант»: «Дошли до странноприимного дома, который батюшка царь для русских поклонников устроил; вошли это мы в калитку, а навстречу смотритель; увидал это Корнея да и говорит: „Старый знакомый! Опять к нам в гости? Милости просим.“ Матушку с племянницей отвел в женское отделение, а нас с Корнеем в мужское. Все комнаты отдельные, а в комнатах по несколько поклонников вместе располагаются, настало всех собралось в то время человек с 30, ну, просторно было, так что мы вчетвером в одной комнате помещались. Рассказывают, когда много поклонников наберется, то не только в комнатах, но и на дворе под чистым небом помещаются, да и то места не бывает и часть останавливается в греческом монастыре»²⁹.

Расположившись на ночлег в «русском доме», наши богомольцы пошли на греческое подворье в церковь во имя Св. великомученика Георгия. «Церковь новая, не более как лет 20 тому назад выстроенная на месте старой, — пишет В. Н. Хитрово. — Иконы все древние, на золотом поле нарисованы, а на иконостасе, над царскими вратами, большой крест, это, как я заметил, соблюдается во всех греческих церквях»³⁰.

Гостеприимством греческой обители воспользовался и архимандрит Мефодий, прибывший в Яффу с группой паломников в 1892 году. «17-го марта, утром, наш пароход остановился ввиду года Яффы; мы стали собираться на берег. Яффа, или древняя Иоппия, стоит на возвышенном берегу Средиземного моря, — пишет о. Мефодий. — На самом берегу у пристани находится греческий монастырь во имя Святого великомученика Георгия; в этом монастыре мы и остановились.<...> Мы приглашены были о. настоятелем в фондерик (архондарик), где было предложено нам восточное угощение: вода с вареньем, ликер и кофе, а за сим предложили записать своих родных: о здравии и упокоении»³¹.

Русский паломник Петр, укрывшийся под псевдонимом «А-истов», дважды побывал в Яффе с группой богомольцев, — на пути в Иерусалим и по возвращении из Святого града. Вот его первые впечатления о монастыре Святого Георгия: «Мы пошли по узкому переулку к дому греческого подворья, т. е. Георгиевского монастыря. Подворье это находится как раз против стен таможни. Взойдя по избитым каменным ступеням подворья, мы очутились в бессводном длинном коридоре, в конце которого встретили монаха, приветствовавшего нас русской речью. Монах этот провел нас в левый от входа по лестнице номер, с большим сводчатым потолком и окнами на таможенное здание.

Номер наш оказался, хотя просторным, но далеко не светлым помещением, благодаря неудобно устроенным маленьким окнам и тому, что комната была вся заставлена диванами, а в одном углу была сложена груда подушек и других разных вещей, спасенных с разбитого парохода „Чихачев“. Расположившись в комнате и обмывшись с дороги, мы сели пить чай, а затем отправились осматривать город. <...> С берега мы возвратились к греческому монастырю, и отправились обедать в греческую столовую, находящуюся рядом. Затем пили чай у себя, в комнате монастыря. После чая пошли в келью к старшему греческому священнику, с которым вели некоторое время беседу. Здесь мы пили кофе, который был подан нам в маленьких чашечках. Побывав у священника, мы простились с ним, поблагодарив за радушный прием в их монастыре»³².

²⁹ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 80.

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 9—10.

³² А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 56—58.

По возвращении из Иерусалима Петр А-истов и его спутники направились в уже обжитый ими греческий монастырь. «По приезде в широкую улицу города Яффы мы разбудили спавших на земле у лавок арабов-носильщиков и наняли двоих из них нести наш багаж в греческий монастырь, который находится на берегу моря; дорога до него шла скверная по узким улицам, — пишет Петр А-истов. — Мы в нем заняли комнату, где и легли спать. Комната попалась плохая, из мебели было только стол да пять циновок; два окна ее без стекол выходят на море. На ночь эти окна заставляются едва держащимися на завесах ставнями. Мы так сильно устали с дороги, что вскоре заснули»³³.

На следующий день, после прогулки вдоль берега моря, паломники вернулись в греческий монастырь и уже готовились отойти ко сну. Но их покой был нарушен; как вспоминал Петр А-истов, «только стали ложиться, как послышались выстрелы, которые было сначала нас перепугали, но когда мы оделись и вышли на монастырскую галерею, то увидели иллюминацию на вновь построенной католической церкви. Около церкви на горе пускали ракеты, жгли фейерверки и бенгальские огни. Верх церкви был превосходно разукрашен разноцветными фонарями. Полюбовавшись с галереи на иллюминацию и тихую даль моря, мы возвратились в комнаты»³⁴.

Последний день перед отъездом в Россию был богат впечатлениями: «В пять часов утра мы отправились в греческую церковь, которая находится тут же при монастыре; здесь мы пробыли до Херувимской, а потом пошли в католическую церковь на ее освящение, — продолжает свой рассказ паломник Петр. — До вечера мы гуляли по городу, а вечером были на галерее в Георгиевском греческом монастыре, откуда смотрели на иллюминацию католической церкви и на фейерверк, устроенный на воде около турецкой таможни. Празднество продолжалось до 11 часов вечера, после чего мы ушли к себе в номер. Вечер был теплый. Не хотелось уходить, не хотелось расстаться с этим видом на темную даль моря, которое как бы говорило: пора расходиться, время на покой...»³⁵

В своих записках о Святой Земле целый ряд русских паломников уделял внимание греческой обители. Вот что писал о яффских странноприимных домах епископ Сухумский Арсений (середина 1890-х): «В Яффе существуют монастыри: греческий православный и католический, которых главное назначение — странноприимство паломников. Православный монастырь во имя Святого великомученика Георгия находится на берегу у пристани, на которую высаживаются обыкновенно поклонники. Монастырь этот очень древний и обширный, но вернее назвать его странноприимным приютом, потому что монашествующей братии, как бывало здесь в прежние времена и как доселе у нас, тут не имеется; кроме иеромонаха, который называется игуменом, здесь только диакон и служители»³⁶.

Однако не каждый из русских богомольцев останавливался на ночлег в Яффе; многие стремились побыстрее добраться до Иерусалима, о чем пишет владыка Арсений: «Когда стоит хорошая теплая погода, то не все наши русские поклонники идут в греческий монастырь, тут же находящийся, а располагаются прямо на улице против агентства Русского Общества пароходства и торговли; спустя немного времени они отправляются под присмотром каваса нашего Палестинского общества,

³³ Там же. С. 148.

³⁴ Там же. С. 150.

³⁵ Там же. С. 151.

³⁶ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 38.

который всегда приезжает из Иерусалима в тот день, когда ожидается пароход с поклонниками, на станцию железной дороги и едут во Святой град под его охраной»³⁷.

Но как и прежде, у русских паломников, располагавшихся на ночлег в Яффе, был выбор, о чем они могли узнать еще на пути к Святой Земле, читая приобретенный в Одессе «Путеводитель по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908): «В Яффе находятся консульства, агентства и подворья разных христианских народов Европы. На берегу греческий монастырь во имя Святого великомученика Георгия, дающий весьма удобное пристанище для путников и богомольцев. Тут же есть и русское подворье, куда и следует обращаться русским паломникам, где они и найдут как приют, так и совет относительно дальнейшего путешествия»³⁸.

Группа паломников, возглавлявшаяся протоиереем Василием Михайловским, побывала в Святой Земле во второй половине 1890-х годов. В Яффе богомольцы разделились на две части, о чем пишет протоиерей Василий: «Одни из моих спутников остановились в греческом Георгиевском монастыре, занимающем завидное местоположение, но пользующемся незавидной славой по удобствам для богомольцев. С его террасы открывается превосходный вид на море; здания, особенно монастырский храм, устроены очень прочно и довольно благолепно, но о своих кормильцах, русских паломниках, братия обители прилагают весьма малое попечение»³⁹.

«Мне с некоторыми другими богомольцами было приготовлено помещение в русском приюте, большую часть года занимаемым многочисленной семьей нашего драгомана в Иерусалиме Шейх-Ашири, — продолжает о. Василий свой рассказ. — В этот приют направился и я, с трудом пробираясь вслед за носильщиками по набережной, невообразимо узкой, мусорной; заваленной и товарами, и камнями для строящейся тут новой таможни. Еще хуже пошло дело, когда мы, прошедши набережную, двинулись по улице. Что это была за улица! Никогда в жизни не представлял я себе подобной: представьте себе начинающуюся от набережной узкую, в сажень ширины, каменную лестницу в несколько ступеней. Потом по такой же лестнице, обставленной домами, тянущимися искривленной линией, ведут вас разными извилинами все выше и выше, более чем по двумстам ступеням разной ширины, — это и будет Яффская улица. Эту улицу по ширине и извилинам очень хорошо может напомнить нам вход на колокольню Исаакиевского собора. Только лестницы Исаакиевского собора прочны, правильны, ступени ровные, отличные, а в Яффе ступени трудны для ходьбы, ломаны, неправильны»⁴⁰.

Но наконец все испытания позади, и о. Василий перешагнул порог приюта, который «в верхнем этаже имеет только четыре номера; из них на несколько летних месяцев один занимается Иерусалимским драгоманом, к стеснению богомольцев. Нам была отведена комната очень хорошая, светлая, с чистыми кроватями и постельным бельем и с кисейным пологом. Здесь все к услугам богомольцев: и самовар, и кушанье, какое угодно вам заказать из подходящей провизии и недорогое»⁴¹. (По этому поводу о. Василий здесь же замечает: «Несмотря на эти удобства, было бы очень приятно русскому сердцу, если бы Императорское Православное Палестинское Общество на набережной в Яффе, вблизи пристани, устроило свой приют для богомольцев»⁴².)

³⁷ Там же. С. 40—41.

³⁸ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 38.

³⁹ Василий Михайловский, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 37.

⁴⁰ Там же. С. 36.

⁴¹ Там же. С. 37.

⁴² Там же. С. 37, примеч.

С террасы русского приюта открывался вид на взморье и на расположенное по берегу греческое кладбище. Его созерцали русские паломники с этой террасы: «Утром мы увидали яффских православных женщин, одетых в белые покрывала и ходивших по кладбищу вслед за священником, — повествует о. Василий. — Заинтересовавшись этим зрелищем, мы пошли посмотреть кладбище и церковь. Кладбище обсажено вместо изгороди кактусами, вышиной в полторы сажени, которых ствол по толщине равняется восьми-десяти вершкам в окружности. Церковь небольшая, но содержится прилично, хотя иконостас и стены требовали бы обновления и освежения красками»⁴³.

В начале XX века греческое влияние в Яффе усилилось.

Для сравнения. В 1843 году архимандрит Порфирий (Успенский) сообщал о том, что в Яффе «есть училище для православных мальчиков в отдельном доме, принадлежащем здешнему монастырю. До **40 мальчиков** обучаются арабской и греческой грамоте. Здешний монастырь издерживается на подарки туркам»⁴⁴.

По свидетельству иеромонаха Серафима, побывавшего здесь в 1908 году, «в Яффе открыта Святогробским Братством практическая школа, в которой изучают иностранные европейские языки: греческий, арабский, турецкий, французский и английский; курс учения школы 5 лет. Учеников в школе **до 200 человек**. Школа находится под попечением и управлением Иерусалимского Синода»⁴⁵.

Прибыв в Яффу, иеромонах Серафим нашел пристанище в греческой обители. «На берегу виднеется греческий православный монастырь во имя Святого великомученика и победоносца Георгия, в котором большая часть богомольцев останавливается ввиду того, что он у самой пристани, — пишет он. — Монастырь сей выстроен Иерусалимской Патриархией для удобного пристанища богомольцев, прибывающих в Яффу. Смежно католики выстроили свой монастырь и большую колокольню. У православных колокольни нет, а потому хорошо придумал настоятель монастыря архимандрит Диомид приступить к постройке колокольни. Помогите ему Господи, а то прискорбно всякой православной душе видеть у католиков чудную колокольню, а у себя отсутствие ее. Надеюсь, что православные помогут»⁴⁶.

Яффа инославная

Русские паломники, прибывающие в Яффу, стремились в первую очередь посетить Иерусалим, куда они и устремлялись, порой даже не останавливаясь на ночлег. А те, кто находил пристанище в греческой обители Святого Георгия, лишь кратко упоминали о тамошнем храме. Тем не менее сохранились отдельные свидетельства о знакомстве наших богомольцев и с инославными церквями Яффы. В. Г. Барский (1726 года): «Есть же (в Яффе) монастырец мал римский, идеже един инок брадатый, мню капуцин, живет, духовной ради потребы к своему люду; церкви же римской несть, не соизволяют бо устроити неверные»⁴⁷.

В начале 1840-х годов члены Русской духовной миссии посетили в Яффе «монастыри арабо-униатский, армянский и латинский». Из дневника архимандрита Порфирия (Успенского): «Первый устроен в доме, который подарил монахам

⁴³ Там же. С. 37.

⁴⁴ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 347–348.

⁴⁵ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 33.

⁴⁶ Там же. С. 33.

⁴⁷ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 281.

богатый униат в 1831 году. Церковь тут освящена в память Благовещения архангела Пресвятой Деве Марии, мала, но чиста. В ней два придела; местные иконы за стеклами золотисты; в верхнем ярусе иконостаса образа лучше этих икон. А все они написаны в Иерусалиме православным диаконом из арабов Михалаки. В церкви есть деревянная конфессарня для исповедания кающихся. Монахов в этой обители три. Униатских семейств в Яффе 60, а душ латинов 335. Армянский монастырь у подошвы цитадели с отличной церковью во имя святителя Николая Чудотворца так же, как и униатский, не велик. Монахов в нем три. Латинский монастырь обновлен в 1837 году. Церковь в нем содержится весьма чисто, а в ней хороши мраморные иконы Рождества и Воскресения Христова, особенно вторая. Монахов францисканцев 8; их кельи опрятны; есть у них трапеза и даже библиотека с книгами, больше испанскими. Все эти обители суть не что иное, как гостиницы для богомольцев»⁴⁸.

Католический храм Святого апостола Петра

Оказавшись на центральной площади Яффе, нельзя не заметить роскошного здания церкви Святого Петра, принадлежащей ордену католиков-францисканцев. Построена она в 1888 году, однако история этого храма началась намного раньше.

Во время пятого крестового похода (1228–1229) император Фридрих построил в Яффе крепость, а в 1251 году здесь жил французский король Людовик IX Святой, возглавлявший шестой крестовый поход (1248–1254). Он привез францисканских монахов в Яффу, и его статуя теперь стоит внутри мужского монастыря обители. Людовик преподнес францисканцам щедрый подарок – монастырь, в строительстве которого он и сам принимал участие. В 1264 году Яффу захватили мамлюки султана Бейбарса. Его воины уничтожали все, что было связано с христианством. Естественно, не уцелел и францисканский храм.

Начиная с 1650 года монахи содержали в Яффе странноприимный дом, чтобы принимать паломников, прибывавших через порт, а в 1654 году здесь заново была построена церковь, — над средневековой крепостью, возведенной Фридрихом II и восстановленной Людовиком IX. Шпиль церкви Святого апостола Петра в Яффе на протяжении веков был маяком для уставших от морского перехода паломников, показывая им, что Святая Земля рядом. В конце XVIII века церковь была дважды разрушена и дважды отстроена заново. В этой обители останавливался Наполеон Бонапарт в 1799 году во время похода в Египет. Нынешняя церковь была построена испанцами между 1888 и 1894 годами и последний раз ремонтировалась в 1903 году.

Восстановление храма началось с угловой башни средневекового монастыря, которая, несмотря на неоднократные разрушения Яффы, чудом сохранилась. В левой части строения сейчас расположена церковь, в правой — монастырь. Сохранившаяся со времен крестоносцев капелла имеет круглую форму. Стены и высокий потолок сложены из обтесанных камней. Узкие окна-бойницы и особая атмосфера, царящая тут, переносят нас в эпоху крестовых походов. Тогда, как и сейчас, это место использовалось для молитв. Время здесь словно остановилось.

Внутреннее убранство храма отличается роскошью, которая особенно бросается в глаза после аскетизма капеллы. В центре собора, перед алтарем, расположена огромная картина кисти каталонского художника Доминика Таларн-и-Рибо. На ней — апостол Петр, перед которым предстал ангел, зовущий отведать дары.

⁴⁸ Порфирий, еп. Ч. III. С. 212. Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 24.

Вызывает интерес и копия иконы Ченстоховской Божией Матери. Икона чудом уцелела после нападения гуситов в XV веке. О том времени напоминают лишь следы от ударов сабель, что остались на чудотворном образе. Интерьер церкви напоминает соборы Европы с высоким сводчатым потолком, витражами и мраморными стенами.

В самой церкви есть красивые витражные окна, размещенные почти под сводом. Витражи были изготовлены в Мюнхене известным художником Францем Ксавьером Зеттлером (F. X. Zettler). Четыре панели в передней части церкви изображают эпизоды из жизни Святого апостола Петра, включая чудесный улов рыбы, вручение ключей от рая, Преображения Христа на горе Фавор и умовение ног на Тайной Вечери. За исключением изображения прав. Тавифы, Святого Франциска Ассизского и Непорочного Зачатия, другие витражи в церкви изображают испанских святых, что неудивительно, поскольку нынешнее здание было построено на средства Испании. Каждое окно – это произведение искусства,

Также следует отметить кафедру, которая вырезана в форме плодоносящего дерева. Знаменитой является и колокольня храма. Ее огромные колокола были привезены более ста лет назад из Европы. Венчают башню часы, расположенные со всех четырех сторон. Мессы проводятся на английском, итальянском, испанском, польском и немецком языках. Церковь популярна среди польских рабочих, которые приезжают сюда, чтобы молиться по субботам, – в Израиле это выходной день.

Интересное упоминание о католическом храме Святого апостола Петра содержится в записках Петра А-истова (начало 1890-х годов). 12 мая, в воскресный день, вместе с несколькими спутниками он направился к церкви ап. Петра, где проходил чин ее освящения. «Около церкви стояла такая масса народу, что едва возможно было протиснуться к дверям, – пишет Петр А-истов. – В самый храм нас не пропустили, так как мы не имели билетов, поэтому пришлось довольствоваться тем, что смотрели, стоя на табурете. Богослужения мы почти совершенно не видели, но звуки оркестра явственно долетали до нас»⁴⁹.

Прогулявшись по яффским улочкам и посетив местный базар, наши богомольцы «прошли в католическую церковь ап. Петра, которую утром нам не удалось осмотреть, – продолжает Петр. – Теперь народу почти совсем не было и доступ в церковь был свободен. Внутри церковь отделана замечательно изящно и мы с удовольствием осматривали прекрасно написанные картины и алтари»⁵⁰.

Краткое упоминание о католических благотворительных учреждениях Яффы можно найти в записках протоиерея Василия Михайловского. «По выходе с кладбища, на пути в город, мы заметили в самой ограде несколько лачужек, кое-как прикрытых со всех сторон от жгучих лучей солнца. Оказывается, что здесь имеют постоянное жительство бедняки православного прихода в Яффе, так как у православных там нет бедным более удобного помещения – ни богадельни, ни детского приюта. Не то мы видим у иноверцев яффских: почти рядом, только через дорогу, на пути в город, устроены англичанами и французами прекрасные и обширные благотворительные учреждения. Чистота, благоговение в храме, обеспеченность содержания призываемых, прекрасное обращение заведующих в этих учреждениях не оставляют желать ничего лучшего.

Кстати сказать, почти рядом с русским приютом находится школа, так называемая школа четырех братьев-французов, которые и отдают ей все свое время, не жалея труда на обучение и просвещение детей всякого происхождения. Детские голоса учащихся доносились из этой школы в наш русский приют; потому что мы и узнали про существование этой школы с тремя классами. Мы ее посетили

⁴⁹ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 150.

⁵⁰ Там же. С. 151.

и удивились прекрасному чистописанию и даже не по летам искусному рисованию детей. Отраднo видеть в учителях-братьях всецелую преданность долгу, ими на себя добровольно принятому»⁵¹.

Армянский монастырь Святого Николая («Сурб Никогайос»)

Обитель Святого Николая, известная с первого тысячелетия, — средневековый армянский монастырь в старой Яффе, на берегу Средиземного моря. расположенный на месте часовни, основанной в честь святителя Николая в 406 году. С давних времен здесь была гостиница, которая принимала армянских паломников, посещавших Святую Землю. В нем находили приют беженцы из Западной Армении, спасшиеся после массовой резни в Турции (1915—1920). Монастырь представляет собой большой многоэтажный комплекс, в котором размещаются армянская церковь и жилые помещения.

Самым известным событием, нашедшим впоследствии отражение в знаменитых картинах, было размещение на территории обители госпиталя для наполеоновских солдат. После захвата Наполеоном Яффы в 1799 году среди французских войск вспыхнула эпидемия чумы. Больных размещали в здании монастыря. Слухи о чуме быстро распространялись среди солдат, и Наполеон решил пойти в отделение больных бубонной чумой, чтобы успокоить армию и утешить страдающих. Говорят, что он даже прикоснулся к одному больному со словами: «Смотри, ничего страшного», а выйдя из отделения, сказал тем, кто посчитал его поступок опрометчивым: «Это был мой долг. Я — главнокомандующий». Это событие увековечил художник Жан Антуан Гро, написавший в картину «Наполеон посещает больных чумой в Яффе» (1804, Париж, Лувр). А на обратном пути здесь же Наполеон приказал отравить несчастных при своем отступлении в сторону Египта, чтобы избежать трудностей с их транспортировкой.

В знак своей признательности за заботу о больных и раненых будущий император подарил армянским монахам свою палатку, из которой сделали мантию для священнослужителей, хранящуюся в монастыре Святого Иакова в Иерусалиме (раз в год ее надевает армянский патриарх). Наполеон был весьма расположен к армянам: в обширной литературе, посвященной его походам, постоянно упоминается Рустам Раза — его верный телохранитель на протяжении всей жизни, начиная с Египетской кампании. Монастырь в 2008 году был полностью отремонтирован и частично перестроен. Обитель имеет важное значение среди увеличивающейся за счет новых иммигрантов армянской общины. Сегодня многочисленные помещения монастыря «Сурб Никогайос» сдаются в аренду под жилые квартиры, галереи и даже театр (знаменитый театр слепоглухонемых «На-Лагаат» расположен под яффским маяком в складских строениях, принадлежащих монастырю), что позволяет собрать средства, необходимые для содержания религиозной общины. Источником доходов является и организация концертов классической музыки, пользующихся популярностью ввиду возможности беспрепятственно посетить церковь и увидеть ее достопримечательности.

Среди последних не только прекрасные иконы, но и вмурованная в стену каменная доска с армянскими письменами, датированная 1630 годом, а также уникальные изделия армянских мастеров: керамика, резьба по дереву или знаменитые каменные плиты с резным изображением креста — «хачкары» (арм. *хач* — крест, *кар* — камень) — поразительные образцы художественной культуры, дошедшие до нас из эпохи

⁵¹ Василий Михайловский, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 37.

зрелого средневековья. Монастырь находится под юрисдикцией армянского Иерусалимского патриархата⁵².

Яффский базар

Русские паломники, знакомившиеся с Яффой, неизменно посещали местный базар. Сегодня здесь уже нельзя увидеть «смешения рас и народов», и поэтому этнографические зарисовки, принадлежащие перу наших предшественников, представляют особый интерес.

О «смешении рас и народов» в Яффе конца XIX века повествует епископ Сухумский Арсений: «Жителей здесь считается до десяти тысяч, из которых православных арабов до тысячи и католиков до трехсот, немного армян и маронитов, а прочие турки и евреи. Большая часть христианского населения занимается торговлей, которая со времени прорытия Суэцкого канала получила значительные размеры. Вывозят отсюда по преимуществу следующие произведения страны: пшеницу, ячмень, сесам (кунжут), хлопок, шерсть, масло, мыло, а более всего — апельсины и лимоны. Предметами же ввоза служат: рис, кофе, сахар, железо, дерево и разного рода мануфактурные изделия»⁵³.

Несколько лет спустя другой русский пилигрим также отметил «мультикультурный» характер местного торжища: «Яффский базар, куда мы попали, пройдя по набережной, представляет из себя очень пеструю живую картину. В лавчонках с различными товарами встретишь и турка, сидящего поджавши ноги, и грека, и перса, и араба. Здесь встретишь и еврея с отпущенными пейсами, стоящего со своей каской, разменным магазином монет всех стран света»⁵⁴.

Вот как описывает яффское торжище Н. В. Берг.

Шумный яффский базар, точно клокочущий котел: чалмы, фески, чадры, лошади, ослы, собаки, верблюды, овцы, горы апельсинов и разговор, похожий на ругательства. Если бы вы захотели остановиться и заняться изучением этого любопытного пункта, вы бы не без удивления заметили в ту же минуту отсутствие всякой полиции, или, может быть, и рассмотрели бы, спустя некоторое время, какое-то подобие полицианта (одного на весь базар), в синем казакине и при сабле, сидящего где-нибудь в кофейне, на низеньком-пренизеньком табурете, скорчась невероятно и болтая всякий вздор с купцом-хозяином и разными грязными обывателями в чалмах и халатах. Не дивитесь: безмятежный, патриархальный сон еще царствует над этими странами ушедшими в своих нравах и порядках очень недалеко от той эпохи, когда тут провозились кедры Ливанских гор, купленные Соломоном для Иерусалимского храма, Мало что изменилось с тех пор. География учит нас, что здесь правит султан, то есть правление деспотическое, но это неправда, по крайней мере, совсем не то, что думают о деспотическом правлении в Европе.

Когда вы всмотритесь в дело, то увидите, что здесь нет ровно никакого правления; Бог знает что такое. Все управляется скорее само собой, подобно базару, на котором вы действительно приостановились, потому что *мухру* нужно что-то приладить к своему седлу: он ищет веревочки, долго не находит, и наконец отнимает у кого-то силой, при страшных криках и хохоте окружающих, получив, впрочем, в заключение, небольшой тычок, за которым он, разумеется, не гонится. Полиция

⁵² Адрес: 3, Ha-Ratsif ha-Aliya ha-Shniya St., Tel-Aviv-Yaffo (Тель-Авив, ул. Рациф ха-Алия ха-Шния, 3).

⁵³ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 36—37.

⁵⁴ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 57.

сидит и разговаривает во все это время с обывателями о политике, о чем случится, ничего не видя. (Политика – любимый восточный разговор). Никто полиции не требует. Она вообще не нужна глубокому Востоку, как не нужны еще многотомные законы, статьи и параграфы, без которых не умеет жить ни одно европейское государство, ни один наш городок; как не нужны турецкие *каиме*, ассигнации, никак в этих местах не могшие привиться, несмотря на все хлопоты турецких властей. Оно точно, говорят: деспотизм; точно, все можно сделать – но за то ступай куда хочешь всякую минуту. Ни застав, ни паспортов. Базар, город, вся Палестина что твой кабинет, разгуливай себе из угла в угол, сколько душе угодно.

Но мы долго засмотрелись на «блаженство» восточного жителя. А нам нужно двинуться еще и потому, что на нас, как на посторонний элемент, беспокоящий местные взоры, обратила внимание толпа базарных мальчишек, и один уже пустил в нашу сторону коркой апельсина. Воевать с этим народом, при «добрых», патриархальных обычаях допотопного городка, я вам не советую. «Халли-нараух!» скажем по-арабски: «Марш в поход!»⁵⁵

Еще одна зарисовка яффского базара принадлежит уже упомянутому епископу Сухумскому Арсению (середина 1890-х годов) «Город представляется в торговых местах очень оживленным, а главный базар их заслуживает особенного внимания со стороны тех, которые являются сюда в первый раз и интересуются страной и ее обитателями, — пишет владыка. — Сколько нового и интересного представляют скученные группы продавцов и покупателей в своих национальных костюмах с разными товарами, буквально сжатых на небольшой площади и узкой улице. Вот статные арабы с их смуглыми лицами, от лучей солнечных сделавшимися бронзового цвета, толпятся между продавцами плодов, зелени, хлеба или мяса, которые раскладывают товар свой просто на земле и закликают покупателей криком во все горло. Здесь феллахи, то же, что наши крестьяне земледельцы, торгуют себе нужное; там продавец конфет окружен мальчишками, привыкшими лакомиться сладким, а там арабские женщины с покрывалом на голове, спускающимся по сторонам, так что глаза их остаются видны. Все толпятся, все кричат, а тут целый ряд верблюдов, соединенных один с другим веревкой и нагруженных тяжестями, пробирается, грозя раздавить неосторожного, не успевшего посторониться. Или вот еще верховые наездники на ослах, тут же пробираясь, умножают суматоху, а местные жандармы, которых вернее всего назвать отставными цыганами, потому что они больше похожи на них, чем на блюстителей порядка, прогуливаются в этой толпе, ожидая получить бакшиш (подачку)»⁵⁶.

Петербургский протоиерей Василий Михайловский (1888 год) уделил яффскому базару всего несколько строчек, но для жителя города на Неве они особенно интересны: «Базар этот находится на небольшой площади, вроде площади у Обуховского моста в Петербурге, — пишет о. Василий. — На нем продаются преимущественно разные фрукты, зелень и провизия в жалких лавчонках, каких ныне у нас в столице уже нет, но прежде были на Сенной или какие устроятся в наших селах в сельские храмовые праздники»⁵⁷.

...Навсегда исчезла неповторимая атмосфера яффского базара, описанная будущим лауреатом Нобелевской премии И. А. Буниным. А вот что предстало здесь перед его взором в 1907 году: «По гладким каменным уступам, в тени звонких

⁵⁵ Берг Н. В. Мои странствия по белу свету. Иерусалим // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 179—180.

⁵⁶ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 37.

⁵⁷ Василий Михайловский, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб. 1898, С. 40.

переулочков поднимаемся к базару. О Стамбуле напоминает в первую минуту запах гниющих апельсинов и укропа, смешанный с чадом восточной кухни. Но нет, даже в самых глухих закоулках Стамбула нет плит, столь выбитых и отшлифованных копытами и туфлями, и такой толпы — таких грубых одежд, такого жесткого загара и таких гортанных криков! Вот базар с мокрым фонтаном, с водоносами под бурдюками и кувшинами, с верблюдами и собаками, с грудами фруктов и зелени, с кофейнями и лавчонками открытых полутемных рядах... Да, тут все старее, восточнее. И небо над базаром ярче, и зной не тот. А какие дряхлые хананей с красными кроличьими глазами меняют в сумраке рядов бешлыки на лепты и пиастры! <...>

Эти темные лавчонки, где тысячу лет торгуют все одним и тем же — хлебом, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чеснока, шафраном, бобами; эти черные, курчаво-седые старики-семиты с обнаженными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; эти измаилитянки в черно-синих рубашках, идущие гордой и легкой походкой с огромными кувшинами на плечах; эти нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу — вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!..»⁵⁸

Путь из Яффы в Иерусалим

В 1892 году в Палестине была построена железная дорога, соединившая Яффу с Иерусалимом. А до этого времени паломники направлялись в Святой град либо пешком, либо на «гужевом транспорте»: осликах, мулах, лошадях и верблюдах. Одно из самых обстоятельных описаний «хождения» из Яффы в Иерусалим принадлежит киевскому паломнику В. Г. Барскому (**см. приложение 1**).

Вот как описывает это русский паломник Д. В. Дашков (1820 год) «Достав, за умеренную цену, нужных нам лошадей и верблюдов, мы отправились из Яффы 22 августа, перед вечером, в сопровождении мусселимского чиновника и монастырских драгоманов и ехали прекрасной Саронской долиной до Рамлы (древн. Аримафии): там пробыли несколько часов, ожидая восхождения месяца. От сего города равнина возвышается неприметно до подошвы гор Иудейских, бесплодных и населенных малолюдными племенами хищных аравлян. Вступив в ущелия, мы увидели другую природу: места дикие, где почти нет следов человеческой деятельности, где поросшие кустарником развалины показываются изредка на холмах, как гробы времен минувших. Дорога каменистая и трудная, то извивается по крутизнам, то спускается в глубокие овраги, на дно пересохших потоков»⁵⁹.

Сходное описание пути при выезде из Яффы находим в записках архимандрита Порфирия (Успенского): «9 декабря 1843 года. Выезд из Яффы в 2 часа пополудни. День теплый. Дорога от Яффы до Рамлы пролегает по ровному полю и идет к горам Иудеи. Эти горы не высоки; верхи их не возвышаются один пред другим, а как будто подравнены. С дороги видно было много деревень на поле, на склонах гор и на вершинах. Направление гор казалось прямолинейным от севера к югу. Вся напольная сторона возделана; здесь обработаны нивы, там пасутся стада, там зеленеют масляные сады»⁶⁰.

⁵⁸ Бунин И. А. Иудея // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII — XX вв. М., 1994. С. 220.

⁵⁹ Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 19.

⁶⁰ Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 348.

В конце 1850 года по этому пути проследовал отечественный пешеходец Виктор Каминский. Вот отрывок из его дневниковых записей: «Наступило 7 декабря. День этот прошел в отправлении на верблюдах наших вещей в Иерусалим, также в прописке паспортов, в приискании лошадей. В это время стеклось в Яффу довольно странников: русских одиннадцать человек, но греков и славян до ста. Однако же лошадей достало для всех, и постоянная цена за лошадь от Яффы до Иерусалима — рубль пятнадцать копеек серебром — не изменилась. Молодые греки и болгары были вооружены штуцерами, пистолетами, шашками, кинжалами, хотя в то время дорога предстоявшая нам, не предвещала никакой опасности. Только к вечеру все было готово, и отъезд отложили до следующего дня.

Утром, 8-го декабря все собрались в церковь, помолились в простоте сердца, и после обедни начали готовиться к отъезду. Подворье пришло в движение; все суетились, спешили; большую странницу уложили в кресло, переплели его веревкой, соединили с другим креслом, в которое посадили ее сестру, расположили кресла по обеим сторонам лошади и прикрепили к подпруге; для детей кресла заменяли корзинами. При подобных путниках всегда был впереди *кераджи* (извозчик). „До свидания, добрая, гостеприимная Яффа!“ — сказал я, садясь на лошадь.

Караван наш тронулся ровно в полдень. Вооруженные наши рыцари составили авангард, и красовались на бодрых арабских конях. „Все, думаю, идет, как нельзя лучше; Небо видимо покровительствует нам“. День был восхитительный, теплый и ясный. Дорога наша шла сначала между апельсиновыми и лимонными садами; за ними раскинулись очень приятные, хотя и печальные, равнины; далее — зеленеющие долины и пахотные поля. Все это было некогда достоянием колена Данова. Арабы-земледельцы спокойно обрабатывали свои участки, то быками, то верблюдами, запряженными в плуг; иные сеяли пшеницу; в долинах весело паслись стада овец; близ дороги порхали хохлатые жаворонки; а над влажными местами летали и уныло кричали чайки...»⁶¹

Афонский инок Парфений, не отягощенный излишними средствами, выбрал самый дешевый вид передвижения — ослика. «Октября 28 числа (1855 года), утром, пришел консул и объявил, чтобы русские были готовы в дорогу, — пишет о. Парфений. — Спустя немного времени, приходят арабы и берут сумки у всех, которые сами не могут нести. И мою взял араб, а я пошел вслед за ним, и вышли на улицу; тут стояло множество верблюдов, коней, ослов и магарчиков (по-русски — лошаков); и брали всяк себе по силе, — кто верблюда, кто коня, а другой осла, а иной магара. Я взял для себя осла и поехал, помышляя о вшествии Господа Иисуса Христа во святой град Иерусалим на жребяти осли. Выехав из Яффы, древней Иопнии, ехали зелеными садами и огородами, где овые плоды собирали, овые садили, овые плоды цвели, а другие попевали, ехали верст семь; осталось в правой руке, в стороне, селение Лида, отечество св. великомученика Георгия»⁶².

Ученый паломник Д. Д. Смышляев, в 1865 году воспользовавшийся местной тягловой силой, уточняет: «В Яффе нанимают лошадей или мулов до Иерусалима. Цены разные, смотря по сезону и приливу путешественников»⁶³.

Впрочем, по найденному пути из Яффы в Иерусалим перемещались не только паломники. В 1866 году начальник Русской духовной миссии архимандрит Антонин (Капустин) в письме своему предшественнику архимандриту Леониду (Кавелину) сообщал о прибытии в Святой град необычного «путешественника».

⁶¹ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 46—47.

⁶² Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 6—7.

⁶³ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 54.

Были у нас и некоторые экстренности. В ноябре месяце (1866 г.) мы задумали перевезти из Яффы 3 колокола. Для этого я прежде всего обратился к Патриарху⁶⁴ за позволением взять который-нибудь колокол для своей церкви. «Заимообразно». Блаженнейший, не надеясь когда бы то ни было овладеть большими колоколами, сказал мне, что я могу взять их себе оба, но с тем, чтобы возратить ему то же количество веса, но меньшего размера колоколами: так как все люди смертны, то и обещания их не вечны... Сообразив это, я поблагодарил Его Блаженство и приступил к делу. Михаил Ф., с помощью разных мастеров, устроил особого рода колесницу. Мы сделали воззвание к поклонникам и отправили целый полк их в Яффу. Сначала перевезли средний колокол (40 пудов). Преодолели всяческие трудности, но сделали свое дело с полным успехом. Убедившись в возможности доставки и большого колокола, я решился украсить им святогробскую колокольню и для сего выпросил у Патриарха вместо него меньший колокол (16 пудов) на прежних условиях, который и был доставлен на верблюде. 12 декабря был торжественный въезд наш в Иерусалим с большим (60 пудов) колоколом. Тащили его наполовину поклонники и наполовину поклонницы... Это была славная минутка! К Рождеству он уже гудел на старой колокольне, на утеху православным, на диво туркам и на скрежет зубовный пропагандам. Тем временем и мы на своих постройках не дремали. Памятный Вам тщедушный колокольчик мы сдали в Патриархию; а вместо него взяли себе другой, больший, с прекрасным меланхолическим голосом. Затем подняли 16-пудовый и учинили изрядный повседневный звон. В праздники же у нас теперь полный, заправский, звон, хоть и напоминает собою более русское село, чем столицу (Соломонову)⁶⁵.

Весьма реалистичную картину отъезда из Яффы в Иерусалим описывает Н. В. Берг: «Дело известное: являются лошади или ослы, для вас и для ваших вещей, которые укладываются в особые перекидные мешки, из грубой шерстяной материи, называемые *хуржами*. На третьем коне, или осле, садится проводник, *мухр*, а не то (если вы лицо протезируемое местными властями) *кавас* консульства. Вы садитесь большей частью на скверное арабское седло и начинаете нырять по улицам Яффы между желтыми домами известной турецкой архитектуры. Всякого рода сор, собаки, роющиеся в этом сору; чумазая баба, под покрывалом, в шароварах и красных туфлях, шлепающих так, что этим звуком оглашается весь тихий переулочек; араб в роде того, каких вы видели на пристани, не то на палубе парохода, — в голубой или коричневой куртке, в синих шальварах, на осле, или так, пешком: вот что будет мелькать по временам пред вами, покамест вы поедете улицами сказанного, допотопного городка»⁶⁶.

Об опасностях, подстерегавших паломников на пути в Иерусалим, предупреждал своих читателей игумен Антоний (Бочков) (начало 1850-х годов). Первый отрезок дороги — от Яффы до Рамлы: «Каждый шаг вашей лошади приближает к желанной цели. В разных местах открываются горы, покрытые туманами; вся природа здесь уныло приветствует путника. Три часа продолжается это шествие, изредка прерываемое каким либо случаем: развяжётся седло, отстанет кто-нибудь, от неумения править упрямым ослом и еще более опасной арабской лошастью, которая, при неосторожной натяжке удил, сбрасывает неловкого всадника. Это

⁶⁴ То есть к Иерусалимскому патриарху Кириллу II.

⁶⁵ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 155.

⁶⁶ Берг Н.В. Мои странствия по белу свету. Иерусалим // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII-XX вв. М., 1994. С. 179.

нередко случается с нашими простыми ездоками, которые обращались с крепко замунштученным арабским конем, как с деревенской лошастью»⁶⁷.

Прибыв в Рамлу и переночевав в греческом монастыре Святого Георгия, паломники готовились продолжить путь в Иерусалим. «Еще до восхождения солнца выводят коней в узкие переулки Рамалы, и тут опять хлопоты, — продолжает о. Антоний. — Кто не может отыскать по приметам своего седла, кто позабыл в Яффе свою корзину с апельсинами. Кавасы приводят все в порядок: они начинают и замыкают шествие, вооруженные с головы до ног. Теперь только приходит в голову, что приближаемся к горам, к столице Абугоша, арабского шейха, который некогда славился разбоями. И в последние годы бывали нападения от арабов, но не частые, и то по донесениям иерусалимских их лазутчиков о шествии богатого архимандрита, или какого либо армянина с кошельками. На поезд человек с пятьдесят и без предварительных сведений арабы почти не нападают»⁶⁸.

К концу 1889-х годов грабежи паломников почти прекратились, и это давало возможность продолжать путь к Иерусалиму также и в ночное время. Небольшая группа русских богомольцев во главе с протоиереем Василием Михайловским проследовала этим маршрутом в июне 1888 года. Отец Василий подробно описывает те «неудобства», с которыми пришлось мириться отечественным пилигримам.

Шестьдесят верст до Иерусалима ехали мы 12 часов на тройке, в четырехместном фургоне, крытом холстом, с холщевыми по бокам занавесами. Это путешествие просто было мучение — и от духоты и от скверной езды, и от темноты ночной, не позволявшей осмотреть новые места, и от тесноты помещения в фургоне, и от продолжительных остановок для отдыха лошадям, но не людям. Мы останавливались у так называемых кофейных домов, где лошадей кормили впроголодь и поили, а путники угощались кофе, или своей запасной провизией. Но что всего тягостнее на этих станциях, кроме станции Колоние, — это то, что на них негде было ни присесть, ни прилечь. У нас на Руси при отдыхе и остановке можно выйти из возка, летом прогуляться по зеленой траве, присесть под зеленым деревом и напиться свежей воды или умыться у ближайшего источника.

Здесь же нет ничего подобного. Подвозят вас к кофейне, похожей скорее на кузницу. Ворота отворены настежь. Здесь вы находите всего одну большую комнату, где вместе и живут хозяева, и останавливаются проезжие: и паломники, и турки, и арабы, и солдаты военного караула, разъезжающие верхом по своему пятиверстному участку, на которые разделен весь путь от Яффы до Иерусалима. Хотелось бы полежать хоть часок где-нибудь, или присесть с удобством, а места нет: всюду пыль известковая, камень голый; ни травы, ни лесу, никакой тени. Правда, для удобства предлагают путнику циновку из кофейни, но на этой циновке и днюют и ночуют сами хозяева и другие гости, и поэтому от нее как раз получишь *спутницу* в дорогу до самого Иерусалима и на всю иерусалимскую жизнь, так что долго будешь помнить эту циновку⁶⁹.

Вот одно из упоминаний о «конной тяге», предшествовавшей путешествию по «чугунке». Пишет Петр А-истов: «В 1 час 15 минут пополудни тронулись мы из Яффы. Нам пришлось ехать рынком, площадь которого была запружена народом и завалена массой овощей и фруктов, лежавших грудками. Когда мы миновали рынок и выехали на простор, кони, подгоняемые кнутом возницы, дружно тронулись в путь и мы покатались по иерусалимскому шоссе, или, как его здесь больше зовут, по Яффской дороге.

⁶⁷ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4., ч. II. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 9.

⁶⁹ Василий Михайловский, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 40—41.

Звения колокольчиками, бежали наши кони вперед, задавая дорожную пыль, которая густым облаком расстилалась позади нас и попадала в наш дилижанс, хотя у нас были опущены занавеси со стороны, откуда дул ветер. Ехали мы по дороге среди изгороди зеленых заборов с большими толстыми колючими листьями. За заборами тянулись великолепные яффские сады, которые представляли собой живописную картину. Несмотря на массу пыли, расстилавшуюся вокруг нас, мы все-таки не могли не восхищаться окружающей нас природой...»⁷⁰.

...В 1892 году «железный конь» пришел на смену арабской лошадке. Это отмечено в паломнических записках Петра А-истова: «11 мая, суббота. После чая пошли гулять по Яффе и незаметно дошли до полотна железной дороги, которая строилась между Яффой и Иерусалимом; хотя дорога была еще не кончена, но резкий свисток локомотива давал знать, что движение уже происходит»⁷¹.

С этого времени у паломников был выбор: сесть на поезд, влекомый «шайтан-арбой», либо оседлать бессловесное парнокопытное. Вот что сообщалось об этом в паломническом путеводителе: «По прямому пути Иерусалим находится от Яффы на расстоянии 60 верст. С 1892 года от Яффы проведена железная дорога к Иерусалиму, но многие благочестивые паломники, привыкшие свое путешествие по святым местам совершать пешком, предпочитают и теперь из Яффы идти пешком в Святой город. Пешком путь между Яффой и Иерусалимом обыкновенно совершается в течение двух дней, и путь этот весьма утомителен, вследствие того, что большей частью пролегает по песчаной, пустынной, местами каменистой, выжженной солнцем местности. Локомотив же доставляет путника по железной дороге через три часа. Совершать путешествие можно еще и верхом, а также и в экипаже, смотря по желанию и средствам путника. Дорога для пешеходов и железная дорога первоначально от Яффы идут параллельно до станции Рамле и известна под именем Иерусалимской дороги. Она проходит через Яффские сады к югу, а затем простирается по воспетой пророком Исаием и царем Соломоном (в Песне песней) Саронской равнине, которая тянется к востоку вплоть до Иерусалимских гор»⁷².

С этого времени большинство паломников предпочитали добираться из Яффы до Иерусалима по «чугунке» на чрезвычайно медленно движущемся поезде, который, несмотря на незначительность расстояния — всего 82 версты, находился в пути шесть часов, делая в час не более 15 верст⁷³. В те годы среди богомольцев большой популярностью пользовалась книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу», и часть из них следовала этому руководству в буквальном смысле слова: либо они передвигались на ослятах, либо это были *пешеходцы*. «Добраться до Иерусалима можно разными способами, — писал один из них. — Можно ехать по железной дороге, как и делают ныне большей частью богомольцы; можно ехать верхом на лошади; можно ехать верхом на осле; можно ехать в немецком фургоне. Но лучше всего идти пешком, взяв в руку палочку, да закинув за плечи котомку с самым необходимым добром»⁷⁴.

А вот совет бывалого паломника — епископа Сухумского Арсения, проделавшего этот путь в начале 1890-х годов: «Прежнюю дорогу, хорошо устроенное шоссе, между Яффой и Иерусалимом, в настоящее время заменила железная дорога, которая доставляет в Святой град паломников очень скоро, сравнительно с прежним.

⁷⁰ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 58—59.

⁷¹ Там же. С. 148.

⁷² Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 41.

⁷³ Платонов П. В. Быт и нужды русских православных поклонников на Святой Земле в XIX—XXI веках. Публикация на сайте «Россия в красках» <http://ricolor.org/russia/ippo/1/lekzia21/>

⁷⁴ Сергей Меч. Поездка в Палестину (Географический очерк). СПб., 1895. С. 15.

Вместо утомительного пути под лучами солнца и среди пыли в продолжение более суток, теперь в три с половиной часа совершается этот переезд без утомления и неудобств. Но зато теперь остаются в стороне от дороги некоторые замечательные места, которые имеют интерес для паломников и туристов; поэтому представляется самым лучшим делать так, чтобы в один раз совершить переезд по железной дороге, а другой по шоссе; тогда можно будет ближе ознакомиться с местностью между святым градом и Яффой, хотя это удовольствие будет стоить, конечно, некоторых лишних расходов против железной дороги»⁷⁵.

«Из Яффы в Иерусалим поезд железной дороги отправляется обыкновенно в два часа пополудни; сначала дорога идет среди садов яффских, между которыми виднеется с правой стороны поезда и наша церковь с колокольней, — продолжает владыка Арсений. — Потом идет дорога по возделанным полям и пастбищам; это та плодородная долина Саронская, упоминаемая в Священном Писании, на которой паслись стада царя Давида»⁷⁶.

Как уже было сказано выше, в 1866 году в Иерусалим были доставлены три колокола для Русской духовной миссии. А в 1896 году этим же путем проследовали еще четыре «железных пассажира».

Из «Отчета уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества М. И. Осипова за 1896/97 гг.»:

Одно из крупных ценных пожертвований, присланных в полное распоряжение Общества, составляют пять колоколов разной величины, всего весом 74 пуд, 29 ф., присланные из года Уральска и сооруженные, как гласит сделанная на них надпись, «стараниями члена-сотрудника Общества Антипа Петровича Наручкина». Первый колокол в 38 пуд. 37 ф. — «в память царя-мироотворца императора Александра III, в Бозе почившего 20 октября 1894 года»; второй — в 28 пуд. 37 ф. — «в память коронования государя императора Николая II»; третий в 5 пуд. 8 ф. — «за здравие Е. И. В. Великого князя Сергея Александровича и Палестинского Общества»; четвертый — в 36 ф. и пятый — в 31 фунт надписей не имели. Первые четыре колокола, согласно распоряжению Совета Общества, отправлены в Яффу на имя Н. Г. Михайлова, для передачи по назначению, а пятый находится в Одессе в ожидании назначения. Стоимость этого пожертвования определяется, считая по 18 руб. за пуд, приблизительно в 1,200 руб. Так как языки к двум большим колоколам не были присланы А. П. Наручкиным, то, предварительно отправки колоколов в Иерусалим, пришлось заказать языки в Одессе за счет Общества; плата железной дороге за доставку колоколов от Уральска до Одессы, в сумме 122 руб. 49 коп., тоже легла на Общество, так как А. П. Наручкин за провоз не уплатил⁷⁷.

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) совершил поездку в Палестину вместе с В. Н. Муромцевой-Буниной в апреле—мае 1907 года. Приехав морем в Яффу, Бунины Саронской долиной прибыли в Иерусалим, побывали в Хевроне, Вифлееме, Иерихоне, у Мертвого моря, в Генисарете, Тивериаде, Табхе, а из Хайфы отправились в Египет. Очерки, посвященные этому путешествию, которые писатель называл путевыми поэмами, позднее вошли в его прозаический цикл «Тень птицы». По словам Муромцевой-Буниной, посетить Святую Землю было «заветное желание» писателя. И поездка оставила заметный след в бунинской поэзии и прозе. Без

⁷⁵ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 41.

⁷⁶ Там же. С. 41.

⁷⁷ Отчет уполномоченного Императорского Православного Палестинского Общества М. И. Осипова за 1896/97 гг. // Сообщения Православного Палестинского Общества, февраль 1897. СПб. С. 193.

преувеличения можно сказать, что эти произведения И. А. Бунина принадлежат к лучшим страницам русской литературы, посвященной Святой Земле.

Вот отрывок, посвященный поездке из Яффы в Иерусалим: «Покидаем Яффу, направляясь по Саронской долине к Иерусалиму. Пустынный путь! Нарциссы долины, из-за легендарного плодородия которой было пролито столько крови, теперь начинают выпахивать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возврате дней Давида. Но цветов еще много, слишком много. Всюду мак, мак и мак: щедро усеял он эти пашни и нивы своими огненными лепестками.

Очаровательный ветер весеннего дня и приморской степи солнечное тепло, сладкий аромат цветущих олив, хлебов горячей земли веет в окна коротенького поезда, раз в сутки пробегающего по долине и горам к Иерусалиму. Он идет по волнистым полям, среди ржавых пашней и зеленых посевов, то и дело встречает вереницы верблюдов, стада черных коз и серых овец, кучками толпящихся то там, то здесь под охраной полудиких пастухов и собак, похожих на шакалов.

А за Лиддой и Рамлэ, — каменными кубами арабских городков, ярко белеющих под ярко-синим небом среди финиковых пальм и кипарисов, — почва становится еще суше, еще кремнистее и волнистей, а хлеба еще слабее и жиже. Начинается подъем, — до самого Иерусалима. Уже виден впереди серый камень, синь впадин и ущелий. Поезд медленно выбивает такт короткими вздохами, свистки его делаются гулки и звонки, путь извилистей; мы глядим на небо уже из какой-то голой, каменистой котловины. И вот котловины начинают сменяться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зноем зеленью деревьев, растущих на их кремнистых ложах, или пелазгическими останками хананейских укреплений на куполообразных вершинах; иногда овцами, рассыпанными по сухим обрывам, среди голышей в лишаих и колючках; или рядами каменных оградок, — следами террас, на которых спокон веку разводили здесь сады и виноградники... Только где же те „бездны“, которыми будто бы поражают Иудейские горы? Где высоты, что будто бы „еще дышат величием Иеговы и ужасами смерти“?

Солнце скрылось, в горах тень. Мы уже в самой сердцевине их. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаем кремнистые долины, извивающейся гусеницей огибает поезд серо-желтые каменные ковриги, густо усыпанные круглыми голышами... Это именно здесь, в одной из этих котловин, „взял посох свой в руку свою Давид и выбрал пять гладких камней из ручья и поразил Голиафа...“ Перед вечером поезд выползает, наконец, на темя гор — и вдали, среди нагих перевалов и впадин, изрезанных белыми лентами дорог, показываются черепичные кровли нового Иерусалима, окружившего с запада зубчатую сарацинскую стену старого, лежащего на скрытом от нас скате к востоку»⁷⁸.

Бунин И. А. Караван

Звон на верблюдах, ровный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет струею отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.

Давно затих базар неугомный.
Луна меж пальм сияет по песку.

⁷⁸ Бунин И. А. Иудея // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 220—221.

Под этот звон, глухой и однотонный,
Вожак прилег на жесткую луку.

Вот потянуло ветром, и свежее
Вздохнула ночь... Как сладко спать в седле,
Прильнув лицом к верблюжьей теплой шее!

Луна зашла. Поет петух в Рамлэ.
И млечной синью горы Иудеи
Свой зыбкий кряж означили во мгле⁷⁹.

В 1910 году паломническую поездку по Палестине совершила большая группа учащихся «средних учебных заведений» из Саратова. Прибыв в Яффу, юные богомольцы во главе с наставниками проследовали на железнодорожную станцию, где под парами стоял поезд, отправлявшийся в Иерусалим. Один из наставников, уже упоминавшийся Николай Русанов, описывает эту поездку по «чугунке»: «Вокзал скорее походил на сарай, окрашенный в коричневый цвет и был миниатюрен; но в нем было довольно большое оживление. Среди публики можно было видеть лиц разных наречий, одежд и наций. Особенно выделялись местные жители, похожие на бедуинов, в своих длинных костюмах с широкими рукавами и плащах, красиво драпирующих все тело.

<...> Кроме людей, похожих на бедуинов, на вокзале были греки, арабы и представители других народов. Вокзал и окружающее его место наполняла не только разнообразная публика, но и торговцы фруктовыми водами, фруктами и зеленью, которые расположились везде. Множество арбузов было наложено в разных местах и продавались недорого. Прекрасный, крупный и вкусный виноград предлагали за 2 коп. фунт.

Недолго нам пришлось быть в вокзале; скоро в особый вагон нагрузили наш багаж, а затем и нам дали два небольших вагона, в которых мы довольно удобно расположились. Какое-то воодушевленное и радостное настроение царило в наших вагонах. В 1 час 45 минут дня наш поезд тронулся из Яффы. Сначала мы едем среди бесчисленных виноградников, лимонных, апельсиновых, гранатовых и пальмовых рощ. Далее картина постепенно меняется: встречаются ряды каких-то очень высоких деревьев, всюду видно бесчисленное множество беловатых маслин в виде отдельных деревьев и в виде целых групп их; тянутся в бесконечное пространство громаднейшие, разнообразной формы, кактусы.

Вот что-то вроде наших, убранных после жатвы, полей; там и сям по ровному полю медленно и важно расхаживают аисты, пасутся стада черных овец. Временами перед глазами проходят бахчи, усыпанные арбузами, иногда очень крупными; около них целые плантации „сучи“, — растения, из которого готовится местное постное масло, и кукурузы; нередко мелькают розовые цветы маличника. Немало встречается довольно красивых садов; среди них разбросаны отдельные дома и что-то напоминающее наши палатки, а иногда в садах утопают маленькие деревеньки, видны земляные крыши деревенских домов; на всем лежит отпечаток крайней бедности. Убогие жители деревни на ослах и волах молотят хлеб»⁸⁰.

Несмотря на относительный комфорт езды по железной дороге (в сравнении с грунтовой), и здесь паломников порой подстерегали опасности.

⁷⁹ Бунин И. А. Избранные стихи. Париж, 1929. С. 63.

⁸⁰ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 137–139.

Из записок иеромонаха Маркиана (Попова) (1911 год): «4 февраля. Пятница. Снег, бывший на этих днях, все еще не везде стаял; много он наделал убытку: поезд из Яффы долго не мог идти по случаю заноса; у многих арабов козы от голода подошли, так как корму они не имеют обыкновение запасать, а круглый год довольствуются подножным, — и вот, выпавший снег оставил без корму их скот; жилища у некоторых арабов обвалились; к одному ночью пришла голодная гиена и чуть-чуть его не съела, едва спасся. Зима небывалая в этом крае уже много лет»⁸¹.

В свое время митрополит Московский Филарет (Дроздов) протестовал против строительства железной дороги Петербург—Москва. Прошли десятилетия, и отношение к техническому прогрессу претерпело изменения в лучшую сторону. Это видно, например, из краткого замечания иеромонаха Серафима, относящегося к 1908 году: «От Яффы до Иерусалима железная дорога протяжением около 80 верст, а также есть и проездная дорога, для желающих пойти пешком до Иерусалима. По ней расстояние около 60 верст. Я поехал по железной дороге, выехал из Яффы в 12 часов дня, а прибыл в Иерусалим в Великий понедельник, 7-го апреля, в 5 часов вечера»⁸².

Едва ли не последнее довоенное описание паломнического путешествия по Святой Земле принадлежит С. И. Быстрову, сопровождавшему в этой поездке нескольких старообрядческих епископов. Вопреки бытовавшему в те времена мнению о консерватизме старообрядцев, они предпочли сесть в Яффе на поезд, влекомый «огнедышащим драконом», а не плестись 60 верст до Иерусалима на осликах. Слово С. И. Быстрову.

Подробно рассматривать Яффу было не время: нужно было спешить к поезду, который отходит в Иерусалим поутру каждого дня. Паломники толпами шли уже по улицам, мы, проезжая мимо них, видели их торжественное шествие, именно торжественное, потому что многие из них шли с пением священных гимнов. В то время, когда мы сидели уже в вагонах и готовились к отъезду, к окну нашего вагона подошел драгоман русского консула в Яффе и, осведомившись, что тут ли находятся старообрядческие епископы, отрекомендовался владыкам. Вскоре подошел и сам консул и уже почти на ходу подал преосвященным свои карточки, заявив, что сейчас же пошлет телеграмму иерусалимскому консулу об их прибытии. Свисток кондуктора, — и поезд, громыхая колесами и вздрагивая, тихо тронулся вперед. Замелькали каменные постройки каких-то стен, огороды, лимонные и апельсиновые плантации, где местами красиво желтели между зеленью листья лимоны и апельсины; дальше потянулись засеянные поля плодородной Саронской равнины, покрытые яркой зеленью хлебов и пышной травы, пестревшей разнообразными цветами; исполинские «кактусы», посаженные по сторонам нив, ревниво охраняли труд человека от вторжения животных, служа живой, непроницаемой изгородью»⁸³.

Одно из самых обстоятельных «хождений» из Яффы в Иерусалим принадлежит киевскому паломнику В. Г. Барскому (**приложение 1**).

Сентября 27 числа, 1726 года Собрашеса тогда нас народа всех поклонников иерусалимских, от греков, арменов и евреев, близ тысячи душ, и пребываху вси в особних гостинницах, ожидающе время, донележе будет повелено пойти к Иерусалиму от градоначалника, по обычаю тамошнему. Обычай убо

⁸¹ Маркиан (Попов), иером. Путешествие в Палестину, на Афон и по России в 1911 году // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 47.

⁸² Серафим, иером. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 33.

⁸³ Быстров С. И. По Востоку (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 69—70.

есть таков: егда соберутся поклонников много, их же именуют тамо хадзии (арабск. – хадж), тогда начальник града Иопии, именуемый паша, пишет послание к Иерусалиму, да пришлют ему людей с верблюдами толико, елико могут вся вещи путников взяти и отнести в Иерусалим, и паки, да пришлют верблюдов, месков (мулов), ослов и коней толикое число, елико может всех ходзиев, то есть путников, на себе превезти. Посла же тогда паша весть к Иерусалиму, и присланни быша арапи мнози с верблюдами, ослами и проч. и взявше вся вещи путников, повезоша тамо преди за мзду (предоплату).

Септемврия 27 числа. Таже, ноци надшедшей, приспеша от Иерусалима другие арапи с вьщшим и множеством различных животных, отнесения ради всех путников в Иерусалим. Взят же паша Иопийский от всякой души дань от пенязей и даде всем знамения, на хартиях написанная, в еже би волно изойти от града. Дадоша же миряне вси по седм толярей и пол, иноки же по три и пол; равную же и аз с иноками дадох дань, наставлением протосингелей иерусалимских, пройдох бо вместо инока удобно, понеже тол в долгом моем путешествии обрасл был долгими власи главными и малою брадою, к тому же черние всегда носях одежди и покров главний, подобий иноческому, его же неверные (мусульмане) не рассмотряют. Богу же промышляющу о моем убогом странствовании под видом сицеваго образа полезно ми бысть. А иже по мирску одаян, аще би и худейшие и последние рубища на себе носил, должен есть дати равную с прочими дань, не зрит бо неверный на нищету, ниже имат милосердие, но токмо исчисляет главы.

Милосердие бо есть добродетель, а иже не имат веры, той ниже добродетели. Но ведомо буди всякому, хотящему знати, яко мзда она, юже именуют тамо *кефари*, того ради вземлется неотменно от паши градоначальствующего, понеже он посылает людей своих вкупе с поклонниками провождения ради даже до Иерусалима. Аще бо бы не было сице, то бы отнюдь невозможно было тамо проходить никому же, разбойников ради множества, тамо обретающихся, иже, егда человека некоего похитят в свои руце на поле, аще не убьют, то биюще камением, еле жива оставят при пути, обнаживши его даже до последнего рубища. Сего ради, разсудивше, да не погибает много, взимают мало и безбедне проводимы бывають страннопришельцы. И тако, егда собра паша тогда от всех хадзиев, си есть поклонников, мзду свою, даде всякому на малой хартии печать свою, с подписом, даде же и арапов конных и пеших с оружием и дрекольми, да шествуют с нами в Иерусалим и агу началствующаго представи над ними. Тогда предуготовившися вси на путь, инни вседоша на верблюди, и инни же на кони, друзии же на мески и прочие на осли, и кийждо по мзде и воли своей. Аз же, частию убожества деля, щадя пенязь на нужнейшее, частию же Бога ради, на посещении святых мест потрудитися хотящи, пешеходити изволих.

Двигнухомся убо от Иопеи септемврия 28 числа, в среду, пред обедом, за два часа или раньше, идеже исходяще из града, дахом вси печати своя, яже имехом от паши, и по две пари стражником, в вратах стоящим. Таже изидохом вон, идеже инние арапи скитающиеся по полях в худых и раздранных одеждах, взимающе коней за брозди и не пушающе далее шествовати, искаху от всякаго нечто от пинязей, глаголяще арапским языком: „албакшиш“, то есть даждь дар, и раздаяху сребренники на многих местех; аще же кто не хотяше дати, то бияху жезлием, вослед гоняще осла или коня; искаху же и от мене, но не даях им ничтоже, и попилаху мя, посмевающесе. Егда же отъидохом от града недалече в поле, ожидахом на едином месте путников прочих, донележе собрашася вси в един полк, и приидоша провождающи нас арапы с началним своим, от них же пешеходцы идоша преди, коннии сзади, посреде же чинно грядяху все хадзии. И тогда, призвавше Всемогущаго Бога и Творца своего вси на помощь, начяхом шествовати, сии на конех и сии на верблюдах, аки на колесницах, ми же, в имя Господа Бога нашего, совокупившися, неции убозии грядохом пеши. Бысть же нас тогда всех полк велик,

яко до полторы тысячи душ и зряшеся народ, аки некое войско, грядущее на брань. Имехом путь широк, ровным и долгим полем, идеже несть ни древа, ни трав лепих, но всюду песок бел и земля проседшаяся от горячести солнечной и весей мало. Тогда прейдехом чрез едину весь, зело ветху и малу, яко едва живущь кто обретается; таже мимоидехом ошуюю вторую весь, именуемую Лида, идеже бяше отчество святаго великомученика Георгия. Последи полудни доспехом к граду Рамлы⁸⁴.

Старая Яффа сегодня

Старая Яффа, с ее мощными булыжником дорожками и аллеями, петляющими по массивным каменным крепостям, окружающим город, была восстановлена и реконструирована в 1963 году. Теперь здесь находятся поселок художников, картинная галерея, лавки ремесленников, магазины для туристов, рестораны, где готовят блюда из продуктов моря, и ночные клубы. Портом старой Яффы, предназначенным к сносу, еще продолжают пользоваться местные рыбаки, каждое утро доставляющие сюда свой улов. Их добыча в конце концов оказывается в котлах многочисленных городских ресторанов, три из которых расположены непосредственно в Старом порту.

Что касается остального, то кажется, время здесь остановилось. В примитивных печах продолжает выпекаться бесконечное множество сортов хлебцев — хал с восточными специями, а на древних улицах, как в былые времена, слышен гул голосов лавочников, продавцов сладостей и слоняющихся зевак. Старая Яффа начинается с построенной в 1906 году Часовой башни на улице Ефет. Окна из цветного стекла выходят на местный полицейский участок, и в каждом из них можно прочесть отдельную главу истории города. Напротив башни за арочными воротами расположен большой внутренний двор, когда-то Армянский постоялый двор, служивший «центральной станцией» для путешественников и караванов, проходивших через местные поселения со всей страны. За полицейским участком большие двери ведут в мечеть Махмудии (настоящий вход в мечеть находится сзади), построенную в 1912 году и названную в честь турецкого губернатора города.

Если от улицы Ефет повернуть направо, по направлению к реконструированной части города, то путь лежит мимо Яффского музея древностей, где собраны добытые за 20 лет раскопок археологические экспонаты. В здании, построенном в XVIII веке, когда-то размещались штаб-квартира турецкого губернатора и местная тюрьма. Позднее оно стало хорошо известным на Ближнем Востоке как мыльная фабрика, принадлежавшая православному греческому семейству Дамиани. Рядом находится францисканский собор Святого Петра. Расположенный во дворе собора монастырь Святого Людовика назван в честь французского короля, прибывшего сюда во главе крестоносцев и остановившегося здесь в 1251 году. Позднее монастырь служил гостиницей для паломников и был известен в XVII веке как «Дом европейцев». Наполеон тоже отдыхал здесь после завоевания Яффы.

Немного дальше по направлению к морю находится минарет мечети Джамаэль-Бахер, расположенной по соседству с первым еврейским домом в Яффе. Построенный в 1820 году, этот дом также был гостиницей для жителей Иерусалима, приезжавших на побережье Яффы, чтобы поплавать в море. Армянский монастырь и церковь расположены на месте большой армянской гостиницы XVII века. Турецкий особняк, расположенный за музеем, был когда-то домом, где размещались турецкие бани, а позднее был превращен в ночной клуб и ресторан под названием «Эль-Хамам».

⁸⁴ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 283—286.

На вершине холма, за парком Листах, начинается Тропа гороскопа. Мимо картинных галерей, мастерских художников, магазинчиков и лабиринтов маленьких живописных аллей тропа приводит к маяку у западных ворот в стене. В центре реконструированной части города находится площадь Кикар Кедумин, архитектура которой представляет всю многогранную историю города, воссозданную с помощью археологических раскопок. Кроме того, это одно из популярных мест для вечерних прогулок. У входа в старый город расположено кафе «Аладин». Отсюда открывается самый лучший вид на Яффский залив и на очертания Тель-Авива на фоне горизонта.

Яффа⁸⁵

I.

Загрохотал — и прынул звучно
 Массивный якорь в лоно вод.
 И с боку на бок так докучно
 Валится грузный пароход.
 Пред нами Яффа! Палестина!
 И сердцу хочется обнять
 Святую землю с чувством сына,
 Еще не видевшего мать.
 И взор ласкает и целует
 Желанный край святейших мест,
 И радость детская волнует,
 И без числа кладется крест.
 Вся Яффа, в виде полукруга,
 На желтой горке улеглась,
 И словно лезут друг на друга
 Дома и башни встретить нас,
 Уж к нам арабы целой кучей
 Ползут и скачут впопыхах;
 Их говор, резкий и трескучий,
 Шумит, глушит, наводит страх.
 Глядь! ваши вещи в шуме речи
 Летят чрез борт и через трап,
 И вас самих схватив на плечи,
 Пospешно в лодку мчит араб.
 Бушует водная пучина,
 Мы на вещах как на холме,—
 У всех лишь слово «Палестина»
 На языке и на уме.
 Пред нами волны пенят, хлещут
 На ряд утесов вековых,
 И высоко летят и блещут
 Фонтаны брызгов снеговых;
 А здесь за нами мчатся волны
 Сплошной зыбучею стеной, —

⁸⁵ По Святой Земле. Из палестинских впечатлений 1873–1874 гг. СПб., 1879. С. 3–9 (без указ. автора).

Вот-вот зальют и наши челны,
И наши души до одной.
Но нет! арабы и на щепке
Погибнуть не дали бы нам:
Как будто проволоки крепки,
Их жилы вьются по рукам.
С бурливым морем ловко споря,
Они гребут, они летят
И по верхушкам волн без горя
Через камни к берегу скользят.
Нет ходу: мель — и вас на плечи
Араб хватает, наземь хлоп!
А в двух шагах, для вашей встречи,
Верблюжий рев, ослиный топ,
Шум, давка, гул; арабский скрежет
Вам поминутно ухо режет,
И, огрызаяся, хаджи
Дают арабам бакшиши.

II.

Пред нами улица не шире
Избушки русской небольшой,
И нам в древнейший город в мире
Идти по лестнице крутой,
Наш груз араб с лихой сноровкой
Вмиг охватил живым узлом
И, вскинув на спину веревкой
И зацепив ее над лбом,
Поплелся в гору бойким шагом;
А мы, свободные, за ним,
По камням сглаженным, зигзагом,
Едва лишь тянемся, скользим.
Дорога вьется выше, круче,
И вот над улицею свод,
На своде домик; дети кучей
Глядят на наш несмелый ход;
Но здесь не окна, просто норы,
Лишь загорожены кой-как;
И улиц нет, а коридоры,
В которых вечный полумрак.
Дома как стены, вместо крыши —
Слегка покатый потолок,
В стене проход, в аршин, не выше,
Ведет на дворик-уголок;
Немая тишь; дома и люди,
Все сжато, сдавленно глядит;
Везде давнишней грязи груды
И всюду затхлостью разит.

И в белом, словно привиденья,
 Окутаны с главы до пят,
 Арабки между запустенья
 Неслышной поступью скользят.
 Лишь за воротами, за башней
 И в бурный вихрь, и в тяжкий жар
 Разноголосицей всегдашней
 Шумит пестреющий базар.
 В шатрах из прорванной холстины
 Арабы, кофе, наргиле;
 Гранаты, фиги, апельсины
 Лежат холмами на земле;
 Чалмы, цилиндры, камилавки,
 Мальчишки вечно налегке,
 Бритые бороды среди шумной давки;
 Обед под солнцем на песке;
 Струя библейского фонтана
 Журчит на мрамор — водоем,
 И стих узорчатый Корана
 Пестреет золотом на нем.
 В живой, невиданной картине
 Все резко просится в глаза,
 Не скоро вспомнишь о святыне,
 Смотри на эти чудеса.

III.

Весь утомлен, в вниманьи слабом
 К восточным лицам и местам,
 Иду я вечером с арабом
 И захожу в арабский храм.
 Один я, мимо пробегая,
 О нем наверно бы сказал,
 Что это — погреб, кладовая
 Или промышленный подвал.
 Внутри еще бедней и странней
 Святыня видится глазам:
 Нагие стены, пол из камней,
 Две, три циновки по местам;
 Святые лики глянут грустно.
 «Ужели это человек?» —
 Невольно спросишь. Так искусно
 Их начертил художник-грек.
 Убогий пастырь, в ветхой ризе,
 Сам и священник, и певец;
 Живые птички на карнизе
 На свой щебечут образец;
 Алтарь без света, мал и тесен,
 И утварь бедная, в пыли;

На старых стенах копоть, плесень
Давно слоями залегли...
Но вера дышит здесь любовью,
Но тихи в храме все концы,
И лишь святому славословью
Здесь вторят дети и отцы.
И сладко вспомнить о явлении,
Что мне представилось там:
Арабка-мать внесла в волненьи
Больное дитяtko во храм
И без помехи, без глагола
В алтарь, сквозь царские врата,
Вошла, склонилась у престола,
Как бы у самых ног Христа,
Ему поведала всю муку,
Единым сердцем говоря,
В слезах воздвигла молча руку
К лампадке медной алтаря,
Вложила перст в елей душистый,
Крест на младенце провела
И, пламенея верой чистой,
Уже спокойная, ушла...
И сердце от ее примера
Невольно дрогнуло в груди,
И вспомнилось мне слово: «вера
Твоя спасла тебя — иди!»

7 мая 1873 г., Яффа

От Яффы до Иерусалима

Какой прием явила мне
Старушка Яффа! На пространной
Светло-песчаной стороне —
Лес апельсин благоуханный,
Ряды лимонов золотых,
Струи источников заветных,
Шатры смоковниц вековых,
Строй олеандров разноцветных,
Толстейший кактус близ садов,
Вдоль протянувшийся забором,
Все — в блеске красок и плодов —
Мне появилось собором...
И как роскошна и ясна
Была библейская картина!
Еще не кончилась она, —
И вот Саронская равнина:
Простор широкий предо мной,
Лесов и сел не видят взоры,

Лишь на окраине стеной
Встают синеющие горы.
Но первый шаг мой здесь пока
Напоминает край родимый:
И степь, волнистая слегка,
И холмик с рощицей любимой,
И тонкоствольный телеграф,
Стрелой летящий над равниной;
И жаль, что я не фотограф
Пред этой родственной картиной.
Но небо, пальмы на песках,
И воздух, дышащий истомой,
И горы в радужных цветах —
Глядят картиной незнакомой.
День вечереет, а жара,
Как будто в печи вавилонской,
Томит от самого утра
В полях красавицы Саронской.
На отдых ослики спешат;
Темнеют пальмы, сикоморы;
В лиловом свете тонут горы,
И быстро сумерки летят.
Короткий отдых на ночлеге,
И тихой ночью снова в путь:
Ни сам не думаешь о неге,
Ни сон не хочет глаз сомкнуть.
До них ли ныне! За другими
Осла торопишь в свой черед,
Ползешь тропинками кривыми
И жадно смотришь все вперед.
Одно явление мелькает:
Когда-то здесь ходил Христос!

8 мая 1873 г., Иерусалим